

format failed?

Перепиши меня Начисто

Тальяна Орлова

Тальяна Орлова

Перепиши меня начисто

«Автор»

2019

Орлова Т.

Перепиши меня начисто / Т. Орлова — «Автор», 2019

Я отправилась в Центр Исследований, потому что не нашла другого способа решить проблему. Им нужны не только повара и уборщики, там проводят эксперименты над людьми. Но вернувшиеся ничего не расскажут: вся их память о пребывании в системе начисто стерта. Замкнутый мир, в котором я могу дружить, любить, страдать, радоваться или быть подопытным кроликом, но я все равно об этом не буду помнить.

© Орлова Т., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	37
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Тальяна Орлова

Перепиши меня начисто

Глава 1

Я остановилась на секунду перед контрольно-пропускной аркой – дала себе целую секунду, чтобы передумать. Но после сделала шаг вперед.

Вопреки моим ожиданиям, здесь не было многолюдно. Точнее, я шла в полном одиночестве от арки до пункта приема заявок и сжималась под взглядами солдат с обеих сторон от дорожки. Они ко мне особенного интереса не проявляли, просто стояли на своих постах. А может, и вовсе не были людьми – я не осмелилась посмотреть ни одному в лицо, чтобы в этом удостовериться.

Стеклянная дверь бесшумно отъехала влево, пропуская меня внутрь. Мужчина лет пятидесяти подавал заявление. Его присутствие вызвало облегчение, а то я уже начала придумывать себе, что пришла не вовремя, перепутала приемные часы. И тем не менее безлюдье пугало и заставляло вновь усомниться в своем решении. И как раз когда я оглянулась к дверям, регистратор окликнула:

– Девушка, вы следующая?

Подошла к стойке и положила перед ней карту идентификационного кода, притом сопровождая взглядом мужчину, которого солдат провожал в другие, внутренние, двери.

– Ината Нист, двадцать один год, – читала женщина с устройства после того, как вставила туда мою карту. – Социальный ранг – восемь. Хронических заболеваний нет. Склонности к антиобщественному поведению нет. Сто шестьдесят семь сантиметров, пятьдесят килограммов, естественный цвет волос – блонд песочного оттенка, естественный цвет глаз – серые, – она глянула на меня, сопоставляя. – Химических изменений не проводилось. Предыдущее место работы – кафе «У дороги», должность – официантка. Пожалуйста, Ината, приложите сюда ладонь для снятия отпечатков, – она сделала паузу, чтобы я выполнила распоряжение, затем продолжила так же размеренно: – Пожалуйста, Ината, посмотрите сюда – компьютер просканирует сетчатку глаза.

До сих пор ничего страшного не произошло, но я дрожала от волнения. Женщина эта говорила монотонно, явно принимает не первое и не сотое заявление. Но она определенно человек, а не робот: видно, как дрожат ее ресницы и как углубляются морщинки возле рта, пока она ждет исполнения своих просьб.

Только после полной уверенности в моей личности, регистратор произнесла:

– Добро пожаловать в Центр Научных Исследований, Ината. Прошу заполнить форму. Я расскажу вам основные правила...

– Я знаю правила, – впервые подала голос я, от волнения ее перебив.

На этот раз показалось, что женщина улыбнулась – бегло, едва заметно.

– А я знаю, что вы знаете. И все равно их вам расскажу. Потому что когда вы поставите подпись на заявлении, будет уже поздно что-то менять. Так разве плохо, если я вам расскажу правила, которые вы уже знаете?

Я усмехнулась:

– Вы будто меня отговариваете.

– Безусловно, нет. ЦНИ работает во благо всего человечества, и нам нужны добровольцы. Но добровольцы потому так и называются, что приходят в систему по доброй воле. Ваше оформление – это расходы. Зачем системе нести расходы, если вы быстро передумаете, и придется оформлять нового сотрудника? Вот поэтому желательно принять решение взвешенно.

Я все-таки оглянулась. Да, с добровольцами, мягко говоря, не густо – хоть я и сама скептически относилась к этому варианту, пока не прижало, все равно казалось, что желающих будет много. Ведь можно выполнять почти ту же самую работу, что в мегаполисе, а получать за это в два раза больше! Я могла бы устроиться сюда той же официанткой, как работала в последние три года, и зарабатывать уже не гроши. Но люди опасаются неизвестности. Впрочем, как и я.

Регистратор, не дождавшись моего ответа, начала инструктаж – будто читала с листа:

– Вот тут бланки заявлений для первого и второго уровня доступа. Вы сможете уйти из системы первого числа каждого месяца по предварительному заявлению. Стандартный контракт составляется на пятнадцать лет и продлевается ежемесячно при отсутствии вашего заявления об уходе или переводе на другие уровни. Работа в обслуживающем персонале, вам подберут такие задания, которые соответствуют вашим навыкам, и...

– Простите, – снова перебила я. – Меня интересуют другие уровни.

Она внимательно посмотрела на меня, но после паузы продолжила на той же ноте:

– Вот бланк на третий уровень. Находясь в системе, вы сможете написать заявление на повышение уровня доступа вплоть до максимального – пятого. Вы сможете уйти из системы первого числа каждого месяца по предварительному заявлению. Стандартный контракт составляется на пять лет и продлевается ежемесячно при отсутствии вашего заявления об уходе или переводе на другие уровни. После увольнения вы лишаетесь права снова подать заявление в ЦНИ. После увольнения с третьего уровня и выше вам проводят полную очистку памяти за все время трудоустройства во избежание распространения секретной информации. Работа в обслуживающем персонале, в лабораториях, в качестве подопытного – вам подберут такие задания, которые соответствуют вашим навыкам, и...

Всё это я уже знала. Агитационные ролики крутились по всем телеканалам. Мы могли видеть в таких роликах вышедших из ЦНИ – живые, здоровые и сильно поправившие свое финансовое положение мужчины и женщины. И они ничего не помнили о том, что с ними здесь происходило. Я лично не слыхала ни об одном случае, когда из системы не возвращались вовсе или возвращались инвалидами. Нет, это были те же люди, которые знали только, как несколько лет назад вошли в контрольно-пропускную арку, а потом оттуда вышли. И несмотря на то, что я не могла назвать ни одного примера каких-то ужасных последствий, это было страшно. Страшно – когда что-то в тебе начисто стирают, будто и не было. Потому здесь и не наблюдалось ажиотажа, несмотря на отличную зарплату.

Отважилась я на такой шаг от безысходности. Окончив школу, сразу устроилась работать и старалась не мечтать об университетах. Быть может, из меня вышел бы неплохой инженер – я подавала надежды в математике, но возможности осуществить мечту не было. Мой отец никогда не заработал бы столько, чтобы оплатить мне послешкольное образование. Но мы с ним жили неплохо, старались не жаловаться на скудный быт и тяжелую работу. А потом отец заболел. «Условно-излечимое заболевание», как обозначили медики, перевернуло нашу жизнь с ног на голову. В настоящее время неизлечимых заболеваний не осталось, но в восьмом социальном ранге ни у кого нет средств, чтобы оплатить лечение всех болезней. И вот только тогда я решилась на отчаянный шаг. Мамы не стало очень давно – она тоже умерла от условно-излечимого, отец растил меня в одиночку. Ему только сорок пять, если сейчас отыскать деньги, то он сможет прожить до глубокой старости.

Отец высказался резко против моего решения, но мне оно казалось однозначным. Да, меня не будет с ним рядом, возможно, целых пять лет. Да, я из этих пяти лет ничего не вспомню. Зато потом вернусь, и мы с ним все наверстаем. Я выйду замуж, рожу ему внуков – и тогда он сам скажет, что пять лет моей жизни того стоили. Или не скажет. Зато я точно буду так считать, а этого достаточно. Первый и второй уровни доступа не требовали удаления памяти, но и зарплата там была не так велика. Начиная с третьего уровня доходы уже зашкаливали, их

на лечение должно хватить. Люди не шли в ЦНИ, предпочитая оставаться в бедности, только из-за обоснованного страха – и теперь, находясь всего в шаге от главного решения, я их страх тоже разделяла.

Когда женщина замолчала, я пододвинула к себе бланк третьего уровня и уточнила:

– Можно вписать счет моего отца для перевода денег?

– Безусловно. Вы не сможете общаться с ним, пока не выйдете из системы, но для волнений оснований нет – деньги будут переводиться ежемесячно строго по графику.

Я задумалась, припоминая важную для себя информацию, которая тоже звучала в агитационных роликах:

– Извините, я могу попросить аванс? Например, оплату за полгода вперед – при условии, что подпишу заявление о том, что не уволюсь в течение этого времени.

– Безусловно. Но заявление об авансе вы сможете написать через неделю после входа в систему.

– Спасибо.

– Заполняйте, Ината, если уверены, – и она отвлеклась на какие-то записи в мониторе.

Безмолвный солдат провел меня через дверь и зашагал впереди по коридору, гулко стуча каблуками. Ноги у меня немного дрожали. Не помогали убеждения, что всего лишь через месяц – если тут будет совсем невыносимо – я смогу уйти. Не помогали – потому что не было ни одного свидетеля того, что в этих лабораториях на самом деле происходит. И не умоляли ли люди в свое время отпустить их? Но ведь все равно они этого не помнят – не буду помнить и я. Так какая разница?

Еще один пролет, и новый коридор – холодно-серый. Очередная дверь, перед которой мы остановились. Солдат мягко подтолкнул меня в спину, и дальше не пошел. Там оказался уже другой – почти с тем же самым лицом, похожий на предыдущего как родной брат. И он тоже двинулся по коридору молча, ведя меня все дальше и дальше от нормальной жизни.

На третьем уровне, где меня принял уже третий военный, стены оказались металлического оттенка – очень неудобно. Но здесь появились предметы декора, а не только голое полотно с одинаковыми дверьми. Кое-где я даже разглядела картины на стенах и доски с объявлениями – наверное, отчеты ученых или графики работы персонала. По пути нам попались два старичка, не обратившие на меня никакого внимания, поскольку были увлечены душевным спором. Какая-то рыжая девушка примерно моего возраста мыла пол – она выпрямилась и приветливо махнула мне рукой. Я тоже помахала, отчего-то сильно удивившись. А ведь здесь тоже нужно мыть полы и склянки, тоже нужно стирать белье или вытирать пыль – память все равно удалят, но такой работой я определенно готова заниматься. И если здесь полно таких же обычных людей, то мы сможем общаться и просто по-дружески болтать. Но чем выше уровень, тем выше зарплата. Вряд ли заработаешь состояние, натирая полы. Потому я буду писать заявления на повышение уровня доступа, как только разрешат.

Одна из дверей резко распахнулась, и я, задумавшись, едва не врезалась в появившегося в проходе мужчину. Военный рядом со мной вытянулся в струнку, а я же не успела отвести взгляд – и теперь уже не могла его отвести, разглядывая. Мужчина был высок, темноволос, лет тридцати пяти, в определенной степени привлекательный и запоминающийся, если обратишь внимание на немного резкие черты лица. А поразила меня его одежда. Он не был в военной форме или белом халате ученого, не был он и одет в комбинезон – самую популярную одежду мегаполиса, даже никаких молний или магнитных замков я не разглядела. На нем было... я не сразу вспомнила название из уроков истории. Это называется пиджак. А под расстегнутым пиджаком что-то из более тонкой ткани – черной, очень гладкой на вид. И синие штаны из непонятной материи удерживались кожаным ремнем. Он буквально олицетворял собой изображение из какого-то старого учебника. Однако выглядел притом не смехотворно, а как-то... солидно, что ли.

Он рассматривал меня таким же внимательным взглядом карих глаз, как будто это я тут решила пощеголять в неммыслимом наряде. Спросил серьезно:

– Новенькая?

Вместо меня ответил солдат:

– Так точно, сэр. Только поступила.

– Я-ясно, – протянул мужчина, чуть склонившись ко мне и рассматривая еще пристальнее. – У нас на пятом нехватка образцов на новый проект. Я уже предлагал начинать похищать людей из мегаполиса. Они и так бесконечно пропадают из-за разгула преступности, а тут хоть с пользой пропадать начнут.

Я вздрогнула и расширила глаза. Он улыбнулся одним уголком губ:

– Да пошутил я, новенькая. Зовут-то как?

– Ината... – выдавила я.

И военный снова отчеканил, перекрывая мой неуверенный ответ:

– Ината Нист, двадцать один год. Социальный ранг – восемь. Хронических заболеваний нет. Склонности к...

– Да хватит, хватит, сержант, – мужчина отмахнулся. – От такого напряжения нервная система скоро треснет, ты бы хоть иногда выдыхал.

И пошел мимо нас. Через секунду я не могла уже сдержать любопытства и шепотом обратилась к военному:

– Это кто?

Он скосил на меня взгляд, помедлил. А потом решился и ответил тоже шепотом:

– Директор пятого уровня, сэр Даррен Кинред.

– А почему он так странно одет?

Показалось, что военный хотел было улыбнуться, но вовремя опомнился и ответил сухо:

– Большой любитель раритетов, я полагаю.

– Серьезный человек? – мне хотелось расспрашивать дальше, раз он не злится и отвечает.

– А ты как думаешь, если он директор пятого уровня? – совсем уж по-человечески ответил сержант. – Иди уже, вон твоя комната. Номер запомни, чтобы потом не заблудиться.

– Спасибо, – мне на прощание захотелось это сказать. – Я бы, наверное, с ума сошла, если бы меня сразу встретил робот. Здесь много роботов?

Сержант не ответил и зашагал обратно, хотя на этот раз я была точно уверена, что улыбку он не сдержал.

Глава 2

Девушку из коридора звали Майей. Я узнала об этом, когда она постучала ко мне и позвала вместе сходить на обед. До тех пор я осматривала аскетичное жилище: маленькую комнату с круглым окном, узкой кроватью и тумбой, в которую мне нечего было положить. Никаких личных вещей при входе в систему брать нельзя, а уж особенно на секретные уровни. При оформлении у меня изъяли даже документы. Где же взять хотя бы зубную щетку? Как раз в процессе размышления над этим вопросом и заявила та девушка, которую я видела в коридоре.

– Привет, я Майя! – она просто излучала доброжелательность, что сразу подняло мне настроение.

– Ината. Привет.

Она бросила стопку одежды на мою постель.

– Два комплекта формы, свою передашь мне – я уберу в камеры хранения. Ее возвращают, когда ты уходишь из ЦНИ. Идем вместе в столовую? Заодно тебе все расскажу. Сегодня у нашего директора выходной, а в его отсутствие я ввожу новичков в курс дела. Хотя это громко сказано, новички тут появляются не чаще раза в неделю. В общем, тебе повезло – получишь не сухой доклад о правах и обязанностях, а полную экскурсию, я буду только рада.

– С большим удовольствием. Спасибо... действительно, спасибо за радужный прием.

– За что? – она вскинула рыжие брови. – Нам здесь вместе работать! Будь приветливой со всеми – и обзаведешься хорошими друзьями или знакомыми. Или будь как некоторые – суровой затворницей, придумывающей себе, что попала в тюрьму и как здесь все невыносимо. И максимум через полгода сорвешься на волю, потому что сама загонишься от выдуманной камерной изоляции.

Я переодевалась в принесенную форму – такой же серый комбинезон, как у нее. И невольно отметила непривычную мягкость ткани внутри и гладкость снаружи – должно быть, для упрощения очистки. Такие сложные фактуры, если и продавались в мегаполисе, то стоили огромных денег. А тут обычные уборщики носят – стоит ли еще искать подтверждения, какие средства расходуются в системе? Попутно я успевала расспрашивать:

– Майя, а ты сама давно здесь?

– Чуть больше четырех лет. Жаль, что контракт подписывается всего на пять, я бы еще поработала. У меня в мегаполисе родители остались, по ним очень скучаю, хотя раньше казалось, что у нас с ними сплошные конфликты. Но теперь даже к тоске привыкла, а больше там никого и нет – все друзья здесь. Не захочется уходить... хотя, с другой стороны, заработки тоже пора тратить. В университет поступлю, потом устраюсь в корпорацию – хватит с меня тряпок и швабр. Вся жизнь впереди, а уж с деньгами это будет весьма неплохая жизнь!

Я покачала головой и заметила с улыбкой:

– Ты – самый оптимистичный разрушитель всех моих страхов, Майя. Это тебя надо в социальной рекламе показывать, отбоя бы от добровольцев не было.

Она улыбнулась, отчего сделалась еще миловиднее, и махнула рукой:

– Идем уже.

Я шла с ней по длинному коридору, и Майя времени даром не теряла, все объясняя на ходу и указывая пальцем в нужных направлениях:

– Столовая там. Спрашивай, если возникнут вопросы. У меня или других – на третьем уровне все довольно общительны, другие надолго не остаются. Средства гигиены или сменный комбинезон получаешь в складском отсеке, вон тот пролет. Кормят четыре раза в день, по времени. Но если опоздаешь из-за работы или еще чего, приходи и спрашивай поваров, обычно что-нибудь остается, голодной не оставят. В общем, режим довольно мягкий – для трудолюбив-

вых и ответственных вообще никаких проблем. Откажешься работать или начнешь скандалить по пустякам – уволят, сотрут память о пребывании здесь, и гуляй себе. Даже знать не будешь, что ушла не по собственному заявлению.

– И много работы? – уточнила я с опаской, хотя до этого момента считала себя трудолюбивой и ответственной.

Девушка рассмеялась:

– Уж точно поменьше, чем тебе приходилось делать до сих пор. Даже не зная подробностей – говорю с уверенностью. Тут все новоприбывшие поначалу в непонимании находятся, говорят, знали бы раньше, сразу бы после школы сюда рванули, чем надрываться в мегаполисе. Сержант передал мне твое досье – ты работала официанткой. Скорее всего в столовую на раздачу тебя и пристроят, чтобы не переучивать. Но можно и в повара, и в уборщики, и в прачки – занятий хватает. Один выходной в неделю, с ног от усталости падать не будешь, поначалу даже нужно будет привыкать к расслабленности – ну, если ты действительно работала в кафе мегаполиса.

Я остановилась от удивления:

– И все? Ты просто какую-то сказку расписываешь, не может быть настолько идеально!

Майя развела руками:

– Все сначала удивляются.

– Тогда бы сюда пришел весь мегаполис на работу! Ты бы только знала, как уставал мой отец на заводе – и нам едва на еду хватало. Да и я сложа руки никогда не сидела...

– Ината, – Майя коснулась моего плеча, останавливая всплеск недоумения. – А никто из бывших сотрудников ЦНИ и не может этого всего рассказать. Первые два уровня не в счет, у них почти те же условия, что в мегаполисе. Но люди боятся уходить на годы в изоляцию, боятся, что здесь творятся какие-то ужасы, о которых потом просто заставляют забыть. И приходят сюда такие же, как ты: поначалу запуганные и ожидающие подвоха, иногда неделями не способные поверить, что никакого подвоха нет. Деньги большие, работы мало, и никто об этом не может рассказать после выхода.

– Действительно, – согласилась я. – Но ты даже не спрашиваешь о мегаполисе. Ведь ты четыре года не получала оттуда вестей.

– Не спрашиваю и не стану, – она поджала губы. – Потому что боюсь начать скучать. А зачем эти терзания? Кстати говоря, именно тоска по родным и друзьям заставляет многих уходить с третьего уровня, я других причин и придумать не могу. Пришли, – Майя махнула вперед, указывая на синюю арку.

Но меня голод не так беспокоил, как любопытство, потому я снова остановилась:

– Майя, а ты никогда не хотела перейти на более высокие уровни? Ведь зарплата там еще выше.

– Нет, рисковать не захотела, – она задумалась. – От добра добра не ищут, мне достаточно и тех денег, что заработаю, зато никаких приключений. Ну и самая главная причина – Ник. Я сейчас вас познакомлю. Он инженер системы отопления на третьем уровне, его вверх бы и не перевели, там нет мест по его профилю, а без него я уж никуда не сунусь.

– Ник? – я смогла расшифровать изменение ее интонации и появившуюся нежную улыбку. – Твой парень? Любимый?

– Ну да. Три года вместе, живем в одной комнате. Он чудесный человек, я таких раньше не встречала. И знаю точно, что если бы перешла на другой уровень, то разлука с ним меня бы и доконала.

– Любовь... – меня отчего-то этот факт изумил больше всего. – И вы вместе, пока... пока не покинете систему. Ведь потом вы друг друга даже не вспомните!

– И что с того? Отказываться быть счастливой прямо сейчас? Не нагнетай, Ината. Мы с ним много об этом говорили, и знаешь, до чего договорились: если это и есть настоящая

любовь, то мы с ним встретимся в мегаполисе – не сможем пройти мимо друг друга. Не веришь в судьбу? А я вот верю!

Я не стала спорить, хоть в судьбу и не верила. Просто видела, что Майе такой настрой помогает. А иначе ведь можно сойти с ума от мысли, что ты навсегда забудешь того, с кем годами делила эмоции и постель. И скепсис неуместен – не надо ей математики и постороннего мнения о том, что среди стомиллионного населения мегаполиса у них даже вероятность встречи близка к нулю.

Ник в самом деле оказался очень приятным: симпатичный блондин лет двадцати пяти с очаровательной улыбкой. Он выглядел намного серьезнее своей девушки – или так казалось на фоне ее бесконечной легкой болтовни, Майя не унималась:

– Три дня дается на адаптацию. Завтра уже директор появится, с ним и определите твои задачи. А пока можешь просто есть, спать и знакомиться с сослуживцами. Ник, там в инженерном отсеке нет свободных парней? – она подмигнула.

Я, слегка покраснев, сказала:

– Не надо меня ни с кем знакомить!

– Сама познакомишься, конечно! – подхватил Ник. – И зря смущаешься. Такая красавица весь инженерный отсек с ума сведет. За исключением одного представителя, – он притянул к себе Майю и чмокнул ее в волосы.

Грязную посуду убирала женщина средних лет, которая ловко курсировала между столиками.

– А почему этим занимаются не роботы? – поинтересовалась я. – В мегаполисе говорят, что здесь везде роботы...

– ИИ? – усмехнулась Майя, используя не такой «народный» термин, который был привычен мне. – Ты представляешь их стоимость? Проще нанять десяток людей для бытовой работы, чем содержать одного ИИ в качестве официанта. Ты такая смешная! Точно такая же, какой была я, когда пришла сюда – тоже все мечтала хоть одного робота увидеть, а все оказалось до банальности просто: их здесь нет. А если где-то наверху и имеется парочка экземпляров, то простым смертным к ним доступа нет.

Еще я уже не удивлялась – даже невероятно вкусному бульону и огромному куску самого натурального мяса. Сложно описать свои эмоции, но они определенно не были плохими. Здесь своя жизнь, свои правила, но пока я не увидела ничего бесчеловечного или немыслимого. Люди дружат, любят, работают – почти так же, как в мегаполисе, только в изоляции от остального общества и в намного более комфортных условиях. Эту тюрьму тюрьмой трудно назвать.

В столовую зашла большая группа людей.

– На третьем уровне так много работников? – я осмотрела огромное помещение, и по беглому взгляду здесь собралось уже не меньше сотни людей, а они все прибывали.

– Нет. Здесь обедают сотрудники и с высших уровней, вот эти – с четвертого. С пятого уже по большей части разошлись.

– Вы едите вместе? А значит, имеете возможность общаться?

Майя пожала плечами:

– Можем, конечно, и попытаться порасспрашивать. Но они ничего не рассказывают. И даже если кто-то проговорится – выскажет, что же там с ними делают в экспериментальных лабораториях, то память-то все равно нам тоже сотрут. Так что никакого риска, потому и нет необходимости держать их взаперти.

Я с удивлением рассматривала людей в синих комбинезонах. Это уже не уборщики и повара – они участвуют в каких-то научных разработках, за что и получают немыслимые суммы. Разные – молодые и старые, мужчины и женщины, веселые и серьезные – но все они выглядели обычными людьми, а не замученными подопытными кроликами!

Я задумчиво выдала:

– Хочу написать заявление о переводе на четвертый уровень. Мой отец болен, нужны деньги.

– Условно-излечимое? – сразу понял Ник, я согласно кивнула. – Если расценки не слишком выросли, то твоей зарплаты и на третьем уровне хватит. Поработай немного и напиши заявление на аванс – обычно подписывают, этого хватит на операцию, потом только реабилитация и уход. А за пять лет ты уж точно заработаешь сколько нужно и сверх того.

– Да, я уже рассчитала, – я ответила, не отрывая взгляда от людей, рассаживающихся за свободные столики. – Но на третьем уровне мне для отработки всей суммы придется работать пять лет, на четвертом – год, а на пятом – несколько месяцев. Я смогла бы вернуться к отцу намного раньше.

– Подумай хорошенько, – посоветовал Ник. – Назад дороги не будет.

Я перевела взгляд на парня:

– От чего ты меня предостерегаешь, если и сам толком не знаешь, что там происходит? А может, и ничего ужасного – посмотри на них, они производят впечатление забитых жертв?

– Не производят, – признал он. – Но есть один, самый объективный, показатель, Ината: с третьего уровня почти никогда не уходят до окончания контракта. С пятого увольняются в среднем через месяц. Уверен, что это и есть исчерпывающий вывод.

– Да, возможно, – я вынуждена была согласиться. – И за этот месяц они зарабатывают больше, чем вы за годы.

– Вот! – отчего-то победоносно воскликнула Майя. – Именно поэтому заявления о переходе на другие уровни принимают минимум через месяц после входа в ЦНИ! Сейчас тебе кажется все странным, необычным, но уже через месяц ты поймешь, что от добра добра не ищут.

Она эту поговорку повторяла уже дважды, я лишь улыбнулась. Наверное, она права. В данный момент мне сильнее всего прочего хотелось бы оказаться рядом с отцом, но кто знает, о чем я стану думать через месяц такой вольготной жизни, да еще и при понимании, что на его лечение поступают деньги, а он поклялся мне, что станет расходовать их по назначению?

– А это директор пятого уровня, я знаю, – воскликнула я, когда мимо прошел мистер Кинред. Он терпеливо подождал, когда какая-то девушка, не замечая его, выдвигала стул. Но она обернулась, ойкнула, а в ответ лишь получила его улыбку. – Неужели и администрация здесь обедает?

– Да, у них там отдельный зал, – указала Майя. – К нашему боссу можешь подходить по любому вопросу. Сэр Чарльз Роддри будет завтра. Он строит из себя сурового бабуина, но на самом деле добрячок, каких поискать.

– Я уже устала удивляться... Такая близость к народу непривычна, – я припомнила всех политиков, обитающих в мегаполисе – к ним не то, что поговорить, а даже подступиться немислимо через кордоны охраны. Но это и к лучшему, а то разозленная бедностью и зашкаливающей преступностью беднота могла бы и объяснить им, по чем фунт лиха. Я описывала свое впечатление от мистера Кинреда: – Идет себе, ни грамма раздражения, очень приветливый человек!

Майя с Ником переглянулись, ответила мне девушка:

– Нашего бабуина можешь считать приветливым человеком – даже когда он корчит из себя строгую мать-настоятельницу из древнего храма. Но директор пятого уровня, уж поверь, не может быть приветливым. Если тут и издеваются над людьми, а такие деньги без издевательств никто бы не платил, то он в самом центре событий. Его боятся по умолчанию – все, кто даже не в курсе его работы. И глянь-ка на пятый уровень...

Я перевела взгляд – и действительно, несколько человек заметно напряглись при появлении их начальства, сопровождали его мрачными взглядами, а разговоры за их столом вовсе прекратились. Уж можно сказать наверняка, что огромной любви они к директору не питают.

Сам мужчина, будто почувствовав мой взгляд, вдруг повернулся – и через весь зал направился напрямик к нам, а его движение сопровождалось затихающими голосами вокруг.

Майя и Ник подскочили на ноги. Я тоже встала и снова поразилась его странной одежде и пристальному, но доброжелательному взгляду.

– Ината, верно? Твоего босса сегодня нет, но мне хочется побеседовать сразу.

– О чем? – я ответила, наверное, очень глупо. Как и выглядела.

– Через пару часов зайду в твою комнату. Какой номер?

– Семьдесят два ноль три...

– Зайду. И все объясню. Будь на месте. У кого можно достать твоё биометрическое досье?

– Оно у меня, сэр! – отчеканила Майя. – Я отнесу в комнату сразу после обеда.

– Прекрасно, – ей он улыбнулся совсем мягко. – Не придется играть в шпионские игры, хотя я уже настроился. Через два часа, Ината.

После его ухода я медленно села, как и мои новые знакомые.

– Кажется, твоё желание может сбыться быстрее, чем ты привыкнешь, – промямлил Ник без особого энтузиазма.

– У них нехватка людей, особенно молодежи, – на той же ноте подхватила Майя.

– Но ты можешь не соглашаться! – ожил Ник.

И Майя вдохнула:

– Конечно! Ни в коем случае сразу не соглашайся! Они не имеют права переводить тебя раньше, чем через месяц после поступления! Но вряд ли он подошел бы сам, если бы не собирался давить... ты не обращай внимания, он не может тебя заставить!

Майя и Ник выступали уж очень стройным дуэтом. А я пока не знала, как реагировать. Для начала выслушаю мистера Кинреда, потом начну думать.

Глава 3

Майя восемнадцать раз повторила, чтобы я не подписывала никаких документов. И еще двадцать раз напомнила, что на пятом уровне жесткая нехватка подопытных кроликов – и только по этой причине мне могут начать вешать лапшу на уши и расписывать прелести зашкаливающих доходов, могут даже не выжидать месяца, хотя подобного еще не случалось. Но насильно меня вряд ли туда потащат, потому любой результат будет следствием моего решения. Последним она явно подчеркнула, какое решение считает неправильным. А потом сбегала за моим досье и после этого заговорила не так эмоционально, усевшись на моей кровати:

– Ината, я не могу привести никакой конкретики, но слухов ходит много...

Я не представляла, как на все это реагировать, потому решила не реагировать никак:

– Не знаю, стоит ли ориентироваться на слухи.

– Может быть. Но все уходит на пятый уровень после нашего – и становятся другими. Люди не меняются так быстро, понимаешь? Без серьезных причин так быстро люди не меняются!

– Понимаю. Но я их тоже видела. Да и потом им все равно удаляют из памяти пережитое. Так какая разница?

Она вдруг посмотрела на меня очень внимательно и сказала еще тише:

– А ты веришь в то, что кусок жизни можно просто стереть? Вообще без остатка.

– Не знаю... не думала об этом. Но ведь вся система работает на этой предпосылке.

Майя продолжала как-то лихорадочно:

– Вдруг тебе привьют какую-нибудь фобию? И ты до конца жизни будешь бояться, например, кошек, но не узнаешь, откуда это взялось? Да ладно если бы кошек... Там явно экспериментируют с психикой – откуда уверенность, что все это не выльется потом в страшные отклонения?

Мне стало жутковато, но я все же старалась рассуждать рационально:

– Я не слыхала о том, чтобы кто-то из бывших сотрудников ЦНИ стал маньяком или покончил жизнь самоубийством. Все живут себе – счастливые и здоровые, самые нормальные люди.

– Именно так, – она кивнула. – Заодно и вспомни о том, что система финансируется правительством, это самая высокобюджетная организация в мире! Ты правда думаешь, что узнала бы о таких случаях, если они были?

– Ты уже перегибаешь, – ответила я, хотя спина все-таки начала покрываться холодным потом.

– Возможно, – она встала. – Надеюсь, что перегибаю. Мне работать нужно, я побегу.

– Конечно. Хочешь, помогу тебе?

– Нет, тебе нужно дождаться мистера Кинреда и поговорить – он не из тех людей, чьи распоряжения можно не выполнять, – Майя открыла дверь, но остановилась и снова развернулась ко мне. – Ината, ты мне не подруга, даже не хорошая знакомая – я тебя первый день знаю. Но говорю это все, потому что хочу вести себя по-человечески. Это самое главное в системе – оставаться человеком при любом раскладе.

Она ушла. И своего добилась – теперь я ожидала появления мистера Кинреда уже не с любопытством, а с какими-то неясными страхами. Даже пятилетняя разлука с отцом перестала казаться такой уж долгой. Майя может и нагнетать – у некоторых людей характер такой, но в чем-то может и оказаться правой.

Директор пятого уровня вошел в мою комнату на четыре минуты раньше обозначенного времени. Я вскочила со стула, но он на меня и не глянул – прошел к кровати, взял оставленный Майей планшет с моим досье, сел и начал листать.

– Хорошо, – он обратился непонятно к кому, не отвлекаясь от монитора. – Разденься. Мне показалось, что слышалось. Потому я стояла в том же оцепенении. Он поднял на меня глаза и повторил без тени улыбки:

– Разденься, Ината.

– Что?.. Зачем?

– Цифры цифрами, но хочу посмотреть на тебя, а не цифры. Разденься. В чем проблема? Я отступила, совсем не понимая, что происходит. Быть может, он тут и большой начальник, но такое поведение – чистое хамство. Ведь даже каких-то предложений о переходе на его уровень еще не прозвучало. Именно за последнее я и зацепилась:

– Прошу прощения, сэр, но вы не мой шеф. Я не обязана выполнять ваши приказы, – в последнем я и сама не была уверена, но произнесла это решительно.

Он неожиданно тепло улыбнулся. У него интересное лицо: сосредоточенный, внимательный взгляд, но мимика живая и располагающая.

– А-а. То есть я должен приказать Чарльзу, чтобы он приказал тебе, и после этого ты разденешься? Может, руководителей всех уровней тут соберем для массовой?

– Я не... Я не понимаю! Что вы хотите увидеть?

– Я хочу увидеть голую девушку впервые в жизни, – он усмехнулся и встал, немного подавляя меня ростом. – Мне же больше заняться нечем. Так и хожу, знаешь ли, по всем сотрудникам – вдруг какая и попадется на уловку. Ей все равно, а мне приятно.

– Шутите? – я отступила.

– А есть сомнения? Биометрические характеристики никогда не дают четкой картины. А мне нужна идеальная картина. Пока мне абсолютно нравится то, что я вижу, но этот дикий комбинезон просканировать взглядом не могу. Долго ждать?

– Долго! – от волнения я ответила с раздражением. – Я еще не согласилась перейти на пятый уровень, если вы об этом!

Он снова улыбнулся:

– Так я еще и не предлагал. Тебе в любом случае придется месяц отработать на третьем, заявления принимаются только после. Но мне бы лучше сейчас знать – ты моя идеальная картина, или продолжать поиски. Предлагаю сэкономить друг другу время, – он шагнул вперед, вынуждая меня отступать. – Ината Нист, никаких предложений от меня не будет, пока я сам не пойму, что ты подходишь. Это ты меня должна убедить, а не я тебя.

– Но... но я вообще не говорила о том, что собираюсь переводиться!

– Чушь. Все хотят, просто далеко не всех беру. Если я не подписал первое заявление, то шансы перевода на мой уровень равны нулю. Это как рост в карьере. Оставшиеся всегда будут недовольны и сочинять всякие страшилки, чтобы себя лучше ощущать.

– Зачем же им это делать?

– В мегаполисе зависть еще существует? Существует, конечно, я в прошлый выходной там был.

– Вы хотите сказать, что все с третьего уровня писали заявление о переводе?

– Я что хотел, то и сказал. Девяносто девять процентов из них.

– А Майя? Та рыжая девушка, у которой было мое досье.

– Девяносто девять процентов, что да. Но точно не вспомню, я не ИИ, чтобы все даты и лица с сервера снимать на расстоянии.

Он мог врать. Но и Майя могла преувеличивать. И заявление она могла писать – через месяц после поступления сюда, но это не значит, что с тех пор она не имела шанса изменить точку зрения. То есть они оба могли говорить правду – и такую парадоксально разную.

– Но я поняла, что у вас нехватка добровольцев...

– Нехватка образцов, – цинично поправил он. – Добровольцев хватает, но нам всегда нужно что-то совершенно конкретное. Сейчас мне нужна девушка репродуктивного возраста,

но не зрелая женщина, красивая по усредненным стандартам современной моды, хорошо сложенная, без химических или пластических изменений внешности. Желательно блондинка. Но она просто не хочет раздеться, несмотря на мое немыслимое красноречие.

– А для чего вам такая?

Он совершенно неожиданно задорно подмигнул.

– Все остальное после свадьбы. Точнее, после моей подписи на твоём заявлении.

– Если бы вы рассказали больше, то я бы быстрее приняла решение.

– Ината, я отвечаю за самые сложные психологические исследования и могу вылепить из человека что угодно. Но одного я не умею – упрощать задачи. Ни разу не было необходимости.

Я окончательно растерялась:

– Извините, мистер Кинред, я хотела бы адаптироваться... подумать.

– О чем? Хочешь ли ты на пятый уровень, куда пытаются пробиться все, или стоит ли раздеваться при шефе твоего шефа вот так сразу?

– Скорее второе, – выбрала я искренне, он уж слишком сильно напирал – сбивал с ног прямолинейностью.

– Чудесно, – он скривился. – Это снова шутка. Ничего чудесного. Ты когда в ЦНИ шла, то понятия не имела, что здесь будет. Неужели не прикидывала все варианты развития событий? Или ты единственная из добровольцев явилась сюда, точно зная, что здесь с тобой будет?

– Прикидывала, – я смутилась. – Ничего я не знала...

– И за несколько часов пребывания на третьем уровне расслабилась? Этот массовый феномен раздражает меня больше всего: человек сначала готов на все, а уже через пару часов он начинает сопоставлять, требовать и качать права. Чтобы добиться от него такого же рвения, надо обязательно вернуть в стрессовую ситуацию, он самостоятельно памятью пользоваться не умеет, – мистер Кинред кинул планшет обратно на постель и направился к двери. – До завтра, Ината.

– А что будет завтра? – спросила я уже у хлопнувшей за ним двери.

От мыслей, переживаний и полного непонимания мне стало нехорошо. Представила, что утром появляется мистер Чарльз Роддри и приказывает мне то же самое, а он мое непосредственное начальство. Откажусь – и уйду из системы немедленно, не успев даже к обязанностям приступить. И ведь этот странный тип был прав: когда я проходила через арку, то была готова на какие угодно испытания, даже не представляя себе, что меня ждет. И вот, первая же проверка показала не самое большое рвение новой сотрудницы. Попыталась себя перенастроить – и ничего не вышло. Дело было не только в том, что я должна раздеться перед ученым, а в том, что этот ученый не удосужился надеть белый халат, привести меня в какую-нибудь лабораторию, то есть создать те условия, которые не несут никакого иного подтекста, кроме науки. А это моя спальня! И этот мужчина совсем не похож на врача или научного сотрудника. Нет, ну это же надо – ни здравствуйте, ни до свидания, а сразу «разденься». Пижон высокомерный! Думает, что он здесь умнее всех! Хотя... он тут, наверное, действительно умнее всех, но это же его не оправдывает.

Глава 4

Чарльз Роддри оказался именно таким человеком, как описывала Майя: пухлым мужичком лет шестидесяти с добрыми глазами, но изображающим воплощение строгости:

– Для увольнения, Ината, хватит одного прогула. Если ты только не провела этот день в медицинском отсеке, конечно. Лечение сотрудников ЦНИ берет на себя, но мы с подозрением относимся к тем, кто часто получает производственные травмы. Я вообще не могу придумать, обо что здесь можно сильно пораниться – это надо очень постараться или уродиться косоруким.

Мне отчего-то хотелось улыбаться ему:

– Не волнуйтесь, мистер Роддри, неуклюжесть не входит в число моих недостатков.

– Тебе же лучше. Будешь работать в общей столовой: мыть посуду, разносить еду и прочее – все то, чем ты и занималась в мегаполисе. Пойдем, представлю тебя поварам, но начинаешь только с понедельника, трехдневная адаптация прописана в договоре. Выходной они тебе и назначат – глянут по графику, когда у них и без тебя хватает рук.

– Буду очень стараться оправдать ваши ожидания, сэр, – вставила я.

– Оправдаешь, оправдаешь, – он кивал, но шел быстро по коридору, я едва за ним поспевала. – Любые проявления агрессии на третьем уровне запрещены, Ината. Жаждешь закатить истерику – дуй в медицинский отсек, они там ко всему привыкшие. Мы здесь живем тесным коллективом, нам антисоциальные элементы не нужны, – Роддри остановился перед большой аркой – входом в столовую – и торжественно, что было совсем не к месту, произнес: – Добро пожаловать в систему, Ината! Пусть сегодня начнется наше продуктивное сотрудничество!

Я не успела ответить. Вернее, не придумала ничего столь же пафосного для ответа. В столовой сейчас было свободное время, все столики пустовали. Но я замерла, разглядев мужчину, выходящего из зала для руководства. Мистер Кинред направлялся именно к нам, а я по мере его приближения погружалась во вчерашнюю смесь страха и волнения. Он сейчас прикажет моему шефу меня раздеть? Надеюсь, не прямо здесь? И как я поступлю, если не хочу быть уволенной еще до того, как хоть один день отработаю?

Но Кинред пожал моему начальнику руку и заговорил вообще о другом:

– Отправь двух инженеров проверить тягу в лифте.

– Без проблем, Даррен. Мне тоже послышался какой-то тяжелый звук. Микаэль давно говорил о замене рессор.

– Включишь в свою смету? Микаэль расширяет инкубатор, на следующей неделе завезут уйму новых растений, надо успеть.

– Конечно. Оранжерея становится...

И говорили они только о каких-то технических вопросах, а мне пришлось мяться рядом. Я и уйти не осмелилась, и опасалась привлечь к себе внимание – напомнить о себе мистеру Кинреду, который будто бы вообще забыл о вчерашнем разговоре. Зато обо мне вспомнил мистер Роддри:

– Иди, Ината, сама поболтай с поварами – у них пока свободное время, чтобы потом не отвлекать.

Я поспешила испариться. При знакомстве с сотрудниками столовой никаких проблем не возникло – здесь вообще все отличалось какой-то сверхприветливостью и общительностью. Я пыталась запомнить имена хотя бы части поваров и улыбчивых официантов, но сама думала о том, что здесь какое-то сосредоточие самых позитивных людей – та самая оранжерея, только не для растений. Этот факт радовал и удивлял, поражал в сравнении с мегаполисом, с его хмурыми лицами уставших прохожих, нервных владельцев забегаловок и разгулом преступности, когда на улицу в одиночку страшно выйти. Может ли быть такое, что сытая и счастливая жизнь

из любого забияки делает добродушного человека? Или я вообще зря ожидала от малознакомых людей отстраненности, а напрягаюсь с непривычки? Пообещав выйти на работу в понедельник, я снова вышла в зал к шефу, ожидая новых распоряжений.

Но он махнул мне и отправился на выход – видимо, давать задание инженерам.

– Ината, – я вздрогнула от веселого голоса Кинреда. – Прогуляемся?

– С удовольствием, – ответила я без капли удовольствия.

Гулять по длинным коридорам – престранное занятие. Но я послушно шла рядом, не решаясь задать мучивший меня вопрос. Мистер Кинред начал сам:

– Я пока не разговаривал с Чарльзом о тебе.

– Я догадалась. Почему?

– Потому что вчера я увидел признаки страха. Предпочитаю, чтобы меня боялись только в рамках эксперимента. У меня есть час свободного времени. Если по истечении этого часа ничего не изменится, то я лучше буду искать другую подходящую девушку.

Я остановилась в изумлении:

– Вы настолько заинтересованы во мне, что готовы потратить час своего времени?

– Позволь, я не буду отвечать. Терпеть не могу отвечать на тупые вопросы – ответы всегда получаются еще тупее. Итак, идем смотреть лифт.

Лифт я уже видела – вчера вечером обошла весь третий уровень. Конечно, внутрь не заходила, но у меня и не было карты доступа, чтобы его открыть. Мистер Кинред просто приложил ладонь к панели, чтобы двери распахнулись. У меня от любопытства весь страх пропал.

– Вы хотите показать мне другие уровни? А это можно?

– Нет, конечно. Просто прокатимся. Тут не так уж и много мест, куда можно сводить девушку на свидание, чтобы ее впечатлить.

– Свидание? Вы шутите?

– Само собой. Хватит переспрашивать после каждой моей шутки, шучу ли я.

Стеклянный лифт мягко плыл вверх, и никаких тяжелых звуков, упомянутых мистером Роддри, я лично не слышала. Ярусы пролетали мимо, и на одном из них кабина остановилась, однако двери не открылись. Кинред объяснял, будто экскурсовод:

– Это центральный ярус четвертого уровня. Смотри, отсюда видно оранжерею. Микаэль так ею гордится, что мы уже опасаемся за сохранность секретных данных, когда он выходит из ЦНИ.

Я припала к стеклу, ожидая рассмотреть что-то наподобие теплицы. Но растения – буйные, огромные, широколистные – росли прямо в сферическом зале. Множество людей находилось там: они поливали, подрезали стебли, со смехом обсуждали что-то с другими. Один из мужчин, совсем молодой парень, оглянулся в нашу сторону и махнул рукой, мистер Кинред кивнул ему в ответ.

– Здесь работают гении, – объяснил он. – Если кто и способен решить проблему недостатка ресурсов при перенаселении планеты, то только они.

– Вряд ли в ЦНИ берут ученых, которых нельзя назвать гениями, – отозвалась я. – Четвертый уровень занимается только разработками новых видов растений? Это так здорово и интересно!

– У тебя ненормально радужный мир, Ината, – Кинред усмехнулся. – Четвертый уровень занимается экспериментами над растениями, животными, и, конечно, людьми. Нельзя разрабатывать вакцину от нового вируса, если ничем не рисковать.

– Они проводят эксперименты на людях? – я повернулась к нему, вмиг потеряв интерес к буйной листве.

– Не только они. Вся система проводит эксперименты на людях. В этом ее суть, ты не знала?

– Но ведь никто не умирает? – задала я вопрос, который терзал меня давно.

Он улыбался, но глаза оставались холодными, будто не участвовали в выражении эмоций:

– И на этот вопрос я отвечу после моей подписи на твоём заявлении. Едем на пятый? Хотя там тебя даже зеленю не поразишь.

Я не ответила, но замерла – на такую экскурсию я и не рассчитывала. Быть может, вообще мало кто из третьего уровня мог подобным похвастаться. Кабина остановилась через несколько этажей, но теперь передо мной предстал просто белый коридор с множеством дверей и скамеек. На одной из них сидели две женщины и разговаривали. Я, забывшись, внимательно разглядывала их и коридор, будто собиралась что-то увидеть... или услышать? Например, крики жертв?

– Ты сейчас вдавишь себе нос в щеки, – услышала я тихое прямо над ухом. – Отойди, открою.

И дверь отъехала в сторону. Я сделала шаг вперед, женщины посмотрели на нас и встали.

– Доброе утро, сэр, – сказали почти хором.

– Доброе, – им он ответил неожиданно сухо. – Зайдите в лабораторию.

Одна сразу открыла ближайшую дверь, но вторая притормозила:

– Сэр, я хотела бы обсудить с вами вчерашнее. Это было слишком...

– Позже, Нора, я потом зайду к тебе в комнату.

– Хорошо, сэр. Спасибо, сэр.

Где-то внизу раздался удар, я вздрогнула и обернулась к лифту.

– Инженеры остановили, проверяют рессоры, – мистер Кинред вдруг подтолкнул меня в сторону коридора. – Будем считать, что мы в западне. Идем до моего кабинета, и сделай вид, что ты ничего страшного не видишь. Зато потом столько баек своим новым подружкам сможешь рассказать, будете передавать из уст в уста и накидывать подробности.

Хоть он и насмеялся над моим любопытством, но я ничего любопытного в коридоре так и не увидела. Сам кабинет порадовал хотя бы обилием мебели: огромный длинный стол, кушетка, стулья и куча мониторов, но я, конечно, постеснялась пройти дальше и глянуть, что там на экранах.

– Почему вы так со мной возитесь? – настороженно спросила я, когда мужчина прошел мимо и сел за стол.

– Вожусь? – он приподнял бровь. – Я привел тебя в сердце ада – это не трата времени, а проверка реакции. Устроили какую-то сверхсекретность и теперь молятся на нее, как на алтарь древних богов.

– Но вы все-таки не завели меня ни в одну из лабораторий, – я тоже немного расслабилась, потому и могла добавить в тон легкой иронии.

– Зачем? Лишить твое воображение пищи? А вдруг там нет исполосованных орудиями пыток бедолаг, которые молят о пощаде? И изверги в белых халатах не записывают равнодушно, на какой минуте человек от боли потеряет сознание.

– А вдруг есть, – я почти улыбнулась.

– Садись, Ината, – он дождался, пока я займу стул. – Я совру, если скажу, что изучение болевых порогов никогда не интересовало ученых – интересовало, да еще как. Но ты немного опоздала, их лет сто назад досконально изучили. Сейчас перед нами стоят другие задачи. Если четвертый уровень нацелен на поиски новых ресурсов и лекарств, то мы занимаемся совсем...

Он прервался, поскольку в комнату без стука вошел парень примерно моего возраста или чуть старше. Я буквально одеревенела. Посетитель был полным олицетворением любых девичьих грез: стройный, высокий, глаза огромные и такого яркого голубого цвета, который я даже у неба не видела, черты лица правильные, тонкий нос, не слишком пухлые и не слишком тонкие губы, волосы почти белые – явно проводилось химическое изменение. Меня, любительницу романтических сериалов и видеофильмов, где в главных ролях снимаются исключительно привлекательные люди, его внешность потрясла своей абсолютной идеальностью. И голос у него оказался приятным, мягким и глубоким:

– Простите, сэр, я могу...

– Не сейчас, Той.

– Да, сэр.

Парень хотел выйти, но начальник его остановил:

– Хотя подожди. Посмотри на нашу гостью – она красива? Ината, встань, пожалуйста.

Я поднялась на ноги, не в силах оторвать взгляда от совершенного лица. Той посмотрел на меня внимательно – на лицо, потом окинул взглядом фигуру. Слегка улыбнулся, отчего сделался еще красивее, что секунду назад казалось невозможным.

– Вы хотите честного ответа, сэр?

– Да, Той, максимально честного.

– Восемь из десяти по первым прикидкам. Глаза не идеально симметричны, нос с небольшой горбинкой, но это придает лицу вашей гостьи изюминку. Цвет волос лично мне кажется безупречным, я вообще люблю натуральных блондинок. Может быть сексуальной, если расслабится. Я предполагаю, что она красива, но для полного ответа недостаточно данных.

– Гляди-ка, и он хочет, чтобы ты разделась! – засмеялся мистер Кинред. – Спасибо, Той, зайди через час.

– Да, сэр.

Я проводила парня все тем же обескураженным взглядом.

– Итак, на чем я закончил? – голос мистера Кинреда напомнил о том, где я нахожусь и что нужно снова начать дышать. – Если четвертый уровень занимается решением проблем ресурсной обеспеченности, то пятый проводит исследования по усовершенствованию ИИ. Например, нам интересно, может ли обычный человек узнать ИИ, если его заранее не предупредить?

– Это был робот?! – когда до меня дошло, я уже не могла просто усидеть на стуле. Хотелось выбежать в коридор и догнать, рассмотреть получше. – Он так красив! Да что я несу? Он идеален! И нет, я не узнала бы без вашей подсказки!

Мистер Кинред смотрел на меня теперь очень внимательно, но притом улыбался:

– Узнала бы, если бы пообщалась с ним дольше.

Я пребывала в восхищении:

– Но его мимика такая естественная! Ни грамма фальшивости! Робот? Не могу поверить! У него улыбка – да это самая натуральная и сносящая с ног улыбка, которую я когда-либо видела! Сэр, это самый прекрасный робот, хотя я не видела других!

Он, кажется, едва сдерживал смех, наблюдая за моей реакцией.

– Спасибо. Мы научили ИИ принимать решения, анализировать и действовать по своему усмотрению, исходя из заложенного в них характера и предыдущего опыта. Но все-таки многие эмоции приходится в них закладывать. А чтобы найти самые правдоподобные реакции, мы и проводим эксперименты на людях. Что бы ты сделала, оказавшись в стрессовой ситуации? Что бы в той же ситуации сделали сотни других людей? Мы проводим опыты с целью выявить усредненные и аномальные случаи. Теперь примерно ясно?

Я смотрела на него теперь как на какое-нибудь божество – уж слишком за гранью была сфера его деятельности от того, с чем мне когда-либо приходилось сталкиваться. От моего вида он улыбнулся еще шире:

– Вижу, тебе нравятся роботы, хотя мы называем их ИИ – некоторые из них очень обижаются на термин «робот», это будто приравнивает их к пылесосам. И есть большая разница между роботами и ИИ.

– Я... не знаю, нравятся ли они мне. Но я давно мечтала увидеть хоть одного. Каких только сказок не рассказывают о них в мегаполисе! – я заставила себя отвлечься на более прагматичные вопросы, потому продолжила без того же восторга: – Если я правильно вас поняла, то люди здесь и не работают с роботами, они просто подвергаются различным стрессовым ситуациям.

– Не только стрессовым, но в общих чертах да: нам нужны все чистые человеческие эмоции, пусть и полученные в лабораторных условиях. Знаешь, что в замкнутых группах люди начинают испытывать настоящую страсть или любовь к первому попавшемуся более-менее подходящему представителю? Этот феномен описывался еще пару веков назад, и я хочу исследовать зарождение подобных эмоций досконально. Кажется, если я пойму этот механизм и смогу его привить искусственному разуму, то дальше его некуда будет усовершенствовать. На сегодня хватит информации. Пойдем. Если лифт не запустили, то спустимся по лестнице – еще один секретный объект, но ты и так уже находка для сплетников – одним секретом больше, одним меньше.

Лифт работал, мы молчали все время, пока он спускался до нужного уровня. За стеклом промелькнула оранжерея, но я уже не вглядывалась пристально. Я все еще пребывала в замешательстве, а заговорила, когда мы покинули кабину:

– Я благодарна вам, мистер Кинред, за откровенность. Но пока все равно не готова дать ответ. Скажу больше – теперь я еще сильнее испугана.

– Что и требовалось доказать. А вчера ты придерживалась другой точки зрения – мол, расскажите подробности, и я сразу полечу в вашу лабораторию.

– Просто дилемма неоднозначная, – я размышляла вслух. – Разумеется, пятый уровень выгоднее в плане дохода, но на третьем люди просто живут, а не участвуют в экспериментах...

– А ты уверена?

– Что?

– Ничего. Так, рассуждаю. А вдруг разница между третьим и остальными уровнями только в том, что первым никто не сказал об экспериментах?

– Вы снова шутите?!

– Скорее всего.

Навстречу нам шла толпа – близилось время обеда. Я разглядела рыжую шевелюру Майи, она шла в обнимку с Ником и что-то радостно щебетала ему на ухо. «В замкнутых группах люди начинают испытывать настоящую страсть или любовь к любому более-менее подходящему представителю...» Неужели их чистая и искренняя любовь есть прогнозируемое следствие ситуации?

Я остановилась и спросила тихо:

– Вы не проверяли, писала ли Майя заявление на перевод к вам?

– Нет, не проверял. Это важно?

– Да не особенно, просто интересно.

Он усмехнулся:

– Как будто от ее желания перейти на мой уровень должно зависеть твое желание.

– Не зависит, конечно! – я немного лукавила. На самом деле, я просто стеснялась спросить у Майи прямо, а от ответа как будто немного что-то все-таки зависело.

Кинред вдруг шагнул вперед и сказал громче:

– Майя, подойди.

Девушка сосредоточилась и подлетела к нему, уже интонацией выражая беспокойство:

– Да, сэр?

– Майя, сколько времени до окончания твоего контракта?

– Восемь месяцев, сэр.

– Прекрасно. Кажется, ты мне подходишь. Напиши заявление с первого числа.

– Правда?! – она будто воздухом подавилась, с трудом вдохнула и зашебетала бегло: – Спасибо за доверие, сэр! А... я прошу простить за наглость, но все-таки спрошу, может ли написать повторное заявление и инженер Ник Росланд? Он замечательный специалист!

– Мне все равно, какой он инженер. Пусть напишет – рассмотрю и его просьбу.

– Спасибо, сэр! Спасибо! – Майя виновато посмотрела на меня, но ничего не сказала и побежала сообщать Нику.

Кинред обернулся ко мне – дескать, что-то еще доказывать надо? Мне – нет. Я и так многое поняла. У Майи всего восемь месяцев, почему бы не заработать в оставшееся время? А если Ника не примут, то им все равно вскоре предстоит расстаться. Я даже не осуждала ее – не представляю, какое сама бы приняла решение на ее месте.

Уловила я совсем другое, куда более важное. Даррен Кинред только что показал мне короткий эксперимент над человеком для доказательства своей правоты. Но ему плевать на Майю и Ника, он, вероятно, просто выкинет их заявления в корзину. Ему демонстративно, показательно на них плевать. Директор пятого уровня настолько циничен, или я все-таки ошибаюсь? Но разве директор пятого уровня мог быть обычным добрячком?

Чтобы получить ответ на этот вопрос, я не побежала в столовую вслед за Майей, а тронула рукав его пиджака, останавливая.

– Вы ведь не собираетесь их принимать, верно? Вы ее обнадежили только для того, чтобы не искать ответ на мой вопрос в архивах!

Он повернулся, чуть наклонился и сузил глаза.

– Не придумала ли себе, что уже все обо мне поняла, Ината?

– Нет... – ответила, а потом отважилась высказаться откровенно: – Я решила, что вы манипулятор, которому нет дела до обычных людей и их надежд.

– Да, почти верно. Только повышай уровень манипуляций. Я приму заявление Майи только при условии, что твое будет в той же стопке. А если я на этой неделе получу твой окончательный ответ, что избавит меня от необходимости продолжать поиски, то приму заявление и ее инженера. Целая влюбленная пара, держась за ручки, отправится в светлое будущее благодаря тебе. Или не отправится. Тебе-то есть дело до чужих надежд?

И он зашагал по коридору обратно к лифту, оставив меня в полном непонимании. Такого неожиданного ультиматума я уж точно не предполагала.

Глава 5

Я вообще никому не собиралась высказывать претензий, но ощущение загнанности в угол душевному комфорту не способствует. И к ужину я созрела до той степени, когда молчать уже нет сил, хотя и старалась говорить спокойно и без осуждения:

– Майя, а как же твои рассказы о страшных вещах, которые творятся на пятом уровне? Неужели мистер Кинред прав, и вы все эти страсти выдумываете из зависти к тем, кого приняли?

Она весь день меня избегала, а когда приходилось сталкиваться – чирикала обо всем подряд, будто чувствовала, что этот вопрос и будет задан. Но теперь нахмурилась, глянула на Ника и ответила серьезно:

– Не из зависти, Ината. Но мне действительно до конца контракта осталось совсем немного – и пусть страшно, но возможность упускать я не хочу. Ведь ты же сама о том говорила: я могу уйти оттуда, но притом заработаю...

Я перевела взгляд на ее парня:

– А ты, Ник, как к этому относишься? Это не будет предательством, если твою любимую примут, а тебя оставят здесь?

Он просто пожал плечами.

– Я человек рациональный. А любовь – она не только в том, чтобы человека при себе держать. Это еще и забота о его будущем. Я буду очень скучать по Майе, если такое случится. Но стану повторять себе, что мы все равно бы расстались через несколько месяцев. А если мы потом встретимся, – он мягко улыбнулся своей девушке, – то нам обоим лучше, если она окажется богатой невестой.

Меня их непробиваемость отчего-то начала раздражать:

– Вы действительно думаете, что встретитесь в мегаполисе? И больше того – сразу же влюбитесь друг в друга? – сказав это, я тут же пожалела. Зачем я вообще такие вопросы поднимаю? Может, им проще думать так, а они и без меня разберутся, какова вероятность.

И Майя ответила угрюмо:

– А мы этого не знаем. И ты не знаешь! Вообще никто не знает, откуда берутся настоящие чувства.

– Ну почему же... Кое-кто как раз изучением этого вопроса и занимается. Извините меня, ребята, я лезу не в свое дело. Просто не успела я попасть в систему, как меня взяли в оборот. Зачем же ты отговаривала меня, если сама же мечтала о возможности?

– Не мечтала, не придумывай! Просто согласилась, когда подвернулась. И я тебя не отговаривала – я настаивала на том, чтобы ты не принимала необдуманных решений! Это разные вещи.

Я улыбнулась, обозначая конец всех споров на эту тему, и пододвинула к себе тарелку с изумительным бифштексом. Но притом так и не смогла отделаться от мысли, что со мной не до конца откровенны. А разве люди бывают до конца откровенными? Быть может, Майя тогда решила, что мы с ней – девушки примерно одного возраста, а явный интерес ко мне директора пятого уровня обязательно имеет основания. И если я откажусь, то шанс может выпасть ей. Быть может, я вообще не права на ее счет – она просто останавливала меня от слишком поспешных действий. Быть может, она и сама до конца не понимает, почему поступила именно так. Или все эти варианты не верны – человеческая психология не так проста, чтобы свести ее к математическому примеру.

Первый рабочий день по сравнению с кафе, где я пахала несколько лет, нельзя было даже назвать в полной мере рабочим. Сотрудников было чуть больше, чем дел. Я помыла посуду после завтрака, натерла овощей для салата, разнесла блюда на обеде и перед полдником про-

верила салфетницы, чтобы были полными. Вроде бы и весь день в столовой, а на самом деле больше приветливой болтовни, чем работы. Говорили обо всем подряд, но и других уровней касались – и всегда отчетливо звучала мысль, как же всем повезло работать на третьем. Я уже не уточняла: так ли на самом деле, или они себя только убеждают, от ответа на этот вопрос уже ничего не зависело. Мягко говоря, от такой расслабленности с непривычки можно и заскучать.

После ужина я дождалась мистера Кинреда в коридоре возле лифта.

– Здравствуйте, сэр, – начала почти храбро. – Я могу вас отвлечь на пару слов?

Он подошел ко мне, улыбаясь, и его улыбка не сулила ничего хорошего.

– Хватит и одного – «согласна».

Я вздохнула и кивнула.

– Да, я согласна, напишу заявление с первого числа.

– Рад.

– Вы мне не особенно-то выбор дали, – зачем-то продолжила я, будто это было важно.

– И этому я рад, – он улыбнулся шире, глядя мне прямо в глаза – не выдержала я, отвела.

– Вам, наверное, вообще никогда не отказывают?

– Почему же? Хотя ты права. Мне не отказывают, потому что я к любому умею найти подход.

– Или шантаж, – не сдержалась я.

– Или шантаж, – он вдруг взял меня за локоть и повел в обратном направлении. – Но выбираю все равно я, Ината. Мне твое заявление без надобности, если я не буду уверен в выборе. Идем.

– Куда?

– Если хочешь, то раздевайся прямо тут.

У меня отчего-то этот момент вообще вылетел из головы. Я думала только о том, хочу ли перейти на пятый уровень, но напрочь забыла, с чего началось наше «знакомство». Вероятно, у мистера Кинреда хорошая память, раз он безошибочно толкнул мою дверь – здесь не принято было запирасть, воровства не было, да и быть не могло: если кому-то и понадобится именно мой кусок мыла или постельное белье, то найти вора не составит труда. Разумеется, поимка воров в замкнутом пространстве меня сейчас волновала в наименьшей степени.

– А если я окажусь недостаточно подходящей? – я все еще пыталась свести все к разговору, а не действиям.

– Глупый вопрос, Ината. Ты серьезно думаешь, что я тебя и всю твою группу поддержки готов переводить даже при условии, что ты окажешься недостаточно подходящей?

– Извините... просто мне неловко, – я все же попыталась взять себя в руки. – Вы не могли бы отвернуться? Мне... для меня эта ситуация очень странная.

– А не мог бы я рассмотреть тебя с закрытыми глазами? – он снова издевался. – Есть одна очень важная вещь, которую новички понимают не сразу: все, что здесь происходит, после выхода из системы перестанет иметь значение. Вот этого дня в твоей жизни не будет. Его сотрут начисто. Понимаешь? Все, что ты из себя сейчас строишь, – не значит ничего. Тебе по привычке кажется, что значит, но это не так, потому что этого нет – в тебе, после выхода из ЦНИ, этого нет. Веришь ли, но все здешние сотрудники до прихода сюда были другими. Они были жадными и мелочными, добрыми и злыми, скромными и наглыми, но теперь просто играют в игру, которая не имеет никакого значения. Так ты долго будешь продолжать из себя строить ту, которой была, или начнешь работать на свое будущее?

– Интересно, скольких людей вы уговорили на немыслимые вещи этим же монологом?

Он рассмеялся:

– Ты слишком много думаешь. У тебя две минуты.

Мистер Кинред не пояснил, а что будет потом, если я так и буду корчить из себя скромницу. Меня просто не переведут к нему или мгновенно уволят? Я не стала переспрашивать,

а зацепилась пальцами за магнитные замки комбинезона. Разделась я быстро, выпрямилась, даже обнаружила в себе силы поднять лицо, хоть притом немного и покраснела от волнения.

И он не отказывал себе – рассматривал пристально, поворачивал к себе спиной, снова лицом, а от его взгляда мое смущение только усиливалось. Потом и вовсе положил руку на грудь, сжал сосок, я сильно вздрогнула и напряглась, но старалась не двигаться.

– Хм... – он будто себе под нос бубнил. – Реакции хорошие, чувствительность повышена, но это можно списать на волнение. Ноги раздвинь немного, – и повторил громче, поскольку я не отреагировала. – Ината, ноги!

Я уж боялась, что он меня всю собирает проверить наощупь – быть может, удостоверился на предмет химических или пластических изменений. Но он только провел ладонью по внутренней стороне бедра, скользнул по выющим волосам между ног, не задерживаясь, переместил ладонь снова на грудь.

Отступил на шаг, посмотрел в глаза:

– Пиши заявление, Ината. Ты подходишь. Как и обещал, я приму с тобой и балласт – в смысле, твоих друзей. За месяц придумаю, как их использовать.

– Я могу одеться, сэр? – в данный момент меня интересовало только это.

Он на вопрос не ответил, только снова неуместно улыбнулся, никак этим не облегчая мое состояние.

– Завтра отправлю лаборанта – он возьмет кровь на анализ. В принципе, пока всё. Возрадуемся, что никто из нас не грохнулся в обморок от такого стресса, верно? Увидимся через месяц, Ината.

И вышел за дверь. Я еще долго стояла в оцепенении. Ведь забыла спросить: а если я за месяц передумаю? Если за целый месяц я так проникнусь болтовней с поварами и официантами, а надежды Майи и Ника отойдут на второй план после моих предпочтений? Спросить забыла – потому и об ответе могла только гадать.

Про «увидимся через месяц» мистер Кинред здорово преувеличил. Я видела его почти ежедневно в столовой, всякий раз ощущая неприятную дрожь. Но он делал вид, что вовсе потерял ко мне интерес. А может, так и было, если он считал, что своего уже добился.

Глава 6

Хоть я и скучала по отцу, но все остальное было превосходным и качественно иным, чем в мегаполисе. Наверное, даже хорошо, что после такой расслабленности удаляют воспоминания – окажись я сейчас в привычном быте, то, возможно, стала бы жертвой мошенников или упала бы с ног после стандартной рабочей смены. Этот рай выглядел же настолько раем... что иногда невольно наталкивал на мысли о своей неестественности. Ведь не бывает так, чтобы люди только улыбались – мышцы лица устанут. Но я, как и советовалось, от добра добра не искала и наслаждалась каждым днем, памятуя о том, что у меня на эту вольготность всего лишь месяц.

Неожиданностью для меня стали знаки внимания от молодых людей, которые ни с кем в отношениях не состояли. Нет, я знала, что считаюсь довольно привлекательной, но такой массовости и единодушия во вкусах мне до сих пор переживать не приходилось. Молодые люди меня доставали настойчиво или делали интеллигентные предложения, за мной ухаживали в лучших традициях классики или кидали вслед откровенные комментарии, кто-то больше не появлялся на горизонте, получив отказ, а кто-то вообще отказов не слышал и назавтра подходил снова с предложением прогуляться до библиотеки и обсудить новое поступление литературы – то есть каждый действовал в силу своего характера, но у меня создалось ощущение, что все будто с цепи сорвались.

– Чему ты удивляешься? – ничему не удивлялась Майя. – Свежее мясо! Не каждый день сюда приходят новенькие, и уж точно не каждый день – молодые и симпатичные.

Да уж, в замкнутом пространстве все действительно протекает в гипертрофированной форме. Больше всего я общалась с Майей и Ником – не только потому, что они здесь стали моими первыми знакомыми. Мы с ними были близки по возрасту и увлечениям, да и хотелось иногда отдохнуть от назойливого внимания одиноких парней. И я не выпускала из головы мысль, что нас все-таки могут перевести втроем на пятый уровень: я бы точно не отказалась там иметь хотя бы двух друзей. При том, что время «Ч» приближалось, мне все еще казалось будущее каким-то размытым, ведь любое обстоятельство может помешать переводу.

Но и с друзьями наедине теперь поболтать удавалось редко. Вот и сегодня, когда я принесла блюда перед ужином и подсела к ним за столик, туда же со своим стулом устремился Джек – уборщик, уже больше двух лет работающий здесь. Милый, симпатичный и очень настырный.

На этот раз ему удалось меня удивить: Джек вложил мне в руку цветок, совсем небольшой, не до конца распустившийся и очень красивый. У меня попросту замерло сердце. Нет, я, конечно, видела в фильмах, как богатые мужчины дарят своим дамам цветы, но сама в такой ситуации оказаться не предполагала. Потому разглядывала как диковинку и с наслаждением втягивала аромат.

– Откуда? – вернулась я к реальности.

Джек выглядел очень довольным моей реакцией:

– Вырастил на своем подоконнике. Ребята с четвертого дают семена, если попросить. Это не так уж и сложно, просто нужно время...

– Спасибо! – я сказала искренне. – Кажется, стоит поставить его в воду?

И, не дождавшись ответа, я побежала на кухню, чтобы взять там стакан повыше. Что уж говорить, но и все повара восхищенно вздыхали – такой подарок в условиях ЦНИ представлялся чем-то немыслимым. Хотя и в забетонированном мегаполисе с загнанными усталостью людьми такой подарок в моем социальном ранге немыслим.

Вот только я упустила один момент: приняв бесценный дар и показав, насколько он привел в восторг, я будто бы дала Джеку согласие на что-то большее. Осознала это, только когда

после ужина он пошел провожать меня до комнаты – сам цветущий похлеще своего цветка. И вошел вслед за мной, пока я была сосредоточена на том, чтобы не расплескать воду из стакана. Поставила на тумбу, обернулась и улыбнулась, уже придумывая предлог распрощаться.

– Джек, это в самом деле очень мило! А теперь я хотела бы принять душ и немного почитать.

– Ината, ничего, если я останусь? Могу составить компанию и в душе, и чтении.

Джек – не урод и не дурак. А раздражал меня только тем, что я никак не могла от него отделаться. И вот, дала самую большую слабину. Его предложение прозвучало недвусмысленно. Теперь придется распрощаться и с цветком, и с какой-то видимостью доброжелательных отношений. Однако я все еще пыталась сгладить ситуацию, потому вынула цветок из стакана и с улыбкой протянула ему:

– Пожалуйста, подари его какой-нибудь другой девушке, Джек.

Он не взял – отступил на шаг.

– Я тебе совсем не нравлюсь? – спросил в лоб. – Или ты всерьез вознамерилась жить здесь пять лет, ни с кем не сближаясь? Ината, убавь это высокомерие – оно здесь лишнее! Мы живем бок о бок, кто-то сходится и расходится, кто-то остается вместе на все время, но одиночество доконает тебя быстрее всего остального. Я не нравлюсь? А кто тогда?

Не нравился, но и на этот раз я попыталась заменить честность более приятным для него объяснением:

– Уверена, что у нас с тобой мог бы быть шанс! Но я должна признаться – через неделю я перевожусь на пятый уровень. Не собираюсь морочить голову ни тебе, ни кому-то еще, а короткие отношения с целью просто поразвлечься меня не интересуют.

Джек выдал злую усмешку – надо же, я впервые в этом месте видела такое открытое проявление злости:

– Бред. Придумай что-нибудь более подходящее для отказа, Ината. Вероятность того, что тебя переведут, ничтожна. Мы все писали заявления – и все думали, что именно нас переведут. Я хотел на четвертый, но там принимают только с химическим или биологическим образованием. На пятый вообще критерии отбора непонятны – то всех стариканов скопом забрали, то какого-то бывшего алкаша, который сюда и записался, чтобы завязать и вылезти из долгов, то месяцами не подписывают ни одного заявления, а второе подавать уже бессмысленно.

Разумеется, все это я уже знала и посвящать его в детали не хотела. Майя с Ником тоже помалкивали, что им разрешено подать заявку во второй раз, – зачем вызывать в людях зависть и вопросы еще до перевода, который может и не произойти? Теперь же я кивнула и просто согласилась:

– Скорее всего не примут, но лучше я подожду неделю, а потом буду решать.

Казалось, что ответ исчерпывающий и вообще ничем не должен затрагивать его самолюбие. Всего-то неделя! Но он почему-то напрягся, желваки на скулах заходили. Шагнул ко мне, но был остановлен вскриком:

– Не трогай меня, Джек! Иначе вылетишь отсюда сегодня же! – эта угроза не была пустой. За любые проявления агрессии увольняли.

Джек глянул на меня исподлобья, развернулся и вышел из комнаты. Я еще пару минут смотрела на цветок – самый шикарный подарок, который когда-либо получала в жизни. И который теперь совершенно не радовал. Целую минуту я соображала, что именно произошло, а потом бросилась за Джеком в коридор.

Но он уже входил в свою комнату, я залетела следом и вперилась взглядом в коробку на окне с зеленью – вероятно, этот цветок был пока единственным распустившимся. Представила, как он выпрашивает семена и землю, бережно поливает и неделями переживает о результате... Уж не знаю почему, но я чувствовала вину – сама не понимаю ее природы. Я ни о чем подоб-

ном ведь не просила! Мне просто взяли и навязали непонятную вину непонятно за что, не спрашивая разрешения.

– Забери, пожалуйста, – попросила я. – И подари другой девушке. Я не хочу чувствовать себя обязанной!

– Не чувствуй, – он ответил неожиданно спокойно. – Ината, я подожду неделю и буду очень рад, если ты снова мне улыбнешься – как сегодня в столовой. А пока просто уйди.

Он почти вытолкнул меня в коридор, я от неожиданности выронила цветок на пол. Хотела так и оставить, но потом не выдержала и подняла, сожалея о лепестке, который отлетел. Не пропадать же такой драгоценности. Шла медленно, ощущая обиду ото всей неприятной ситуации. А скрываемые за радугами всеобщего благоденствия эмоции будто бы только ждали подходящего момента: и вот, стоило им найти повод, как выплеснулись сразу слезами. Надо же, всю жизнь мечтала, чтобы мне подарили цветы, а оказалось, что никакой радости в них нет, если под подарком подразумевается какой-то долг, или если получены не от того человека, которому долг хочется вернуть.

Замерла, заметив мистера Кинреда, внимательно наблюдавшего за мной. Не часто ли директор пятого уровня ошивается на третьем? Ему там заняться нечем?

– Здравствуй, сэр, – сказала как можно вежливее и попыталась пройти мимо.

– Привет. Стоять, – он и не думал учитывать мои надежды. – Какое веселое шоу. Что происходит?

– Ничего такого, что касалось бы вас... сэр.

– А. Давай сделаем вид, что еще неделю ты имеешь право отвечать не на все мои вопросы.

Он снова издевался, смеялся над моим состоянием. А может, и что-то слышал из нашего разговора с Джеком – и это сместило его еще сильнее. Именно его цинизм по отношению к чужим переживаниям, пусть даже с его точки зрения пустым и никчемным, заставил меня разозлиться.

– Сэр, вы говорите так, будто вопрос уже решен! – я вскинулась. – Я хорошо отношусь к Майе и Нику, но не поставлю их интересы выше своего!

Он чуть прищурил глаза, вглядываясь в мое лицо внимательнее:

– А в чем твой интерес?

– У меня целая неделя, чтобы об этом подумать! У вас меня ждет неизвестность и, руку даю на отсечение, ничего хорошего. А здесь вон, цветы дарят. Знаете, как приятно? Хотя откуда вам знать, если вы не обычная девушка из восьмого социального ранга? Я могу идти?

– Еще сделай вид, будто я тебя тут силой держу, – он снова улыбался.

Мерзкий тип. Вот ничего такого вроде бы не делает, а раздражает одним появлением. Хотя отчего же ничего не делает? Не он ли заставил меня раздеться, а потом ощупывал, как какую-нибудь вещь? Не он ли постоянно где-то поблизости – создается ощущение, что он в любой важный для меня момент оказывается рядом. Не просто мерзкий – пугающий тип.

Я долго мылась в душе, приводя мысли в порядок. Вообще непонятно из-за чего расстроилась. Наверное, просто впервые пришлось обидеть человека при искреннем знаке внимания, но этому тоже не помешает научиться. Вышла, заворачиваясь в огромное мягкое полотенце, и вскрикнула. На краю постели сидел мистер Кинред, который при моем появлении встал и направился к двери.

Я же смотрела на букет на тумбе – стакан явно был мал для такой охапки, а может, он и не пытался в него впихнуть, просто положил. Огромные белые бутоны, налитые, твердые лепестки, стебли с шипами – розы, вроде бы, я от шока даже названия припомнить не могла.

– Что это? – успела спросить, пока он не вышел. – Зачем?

Мистер Кинред ответил, уже открывая дверь:

– Решил, что раз тебя можно купить разными мелочами, то держи. А ты теперь включишь свою женскую часть и будешь летать на крыльях. Или реветь – реветь ведь тоже по-женски. Любые твои эмоции я покупаю и собираюсь продолжать их покупать, Ината.

– Покупаете? – не поняла я.

Он рассмеялся и ушел, оставив меня без ответа. Я медленно перевела взгляд на маленький цветочек от Джека. Растение выглядело поникшим – то ли от того, что я носилась с ним по коридору и роняла на пол, то ли от убийственного сравнения не в свою пользу. И теперь он мне показался намного красивее, чем раньше. Все-таки я была права в своих выводах: радость не от подарка, а от дарителя. Даже Джек с его настойчивым желанием взаимности сейчас выглядел приятнее, чем этот... «покупатель».

Глава 7

Майю было не заткнуть:

– Знаете, мистер Роддри, я всегда хотела вам сказать, что вы классный! Я по вам буду скучать больше, чем по всем остальным. Не удивляйтесь, когда я в столовой начну к вам подбегать и расспрашивать о делах – это потому, что я буду скучать! Вы знаете, что вас вообще все сотрудники любят и уважают? Некоторые, правда, называют бабуином – но это не от сарказма, а просто... просто вы классный, понимаете?

Чарльз Роддри только улыбался – и он понимал, что вся эта нелепица течет из девушки от переизбытка волнения. Ник попытался ее одернуть, незаметно тронув за локоть, но Майю несло:

– Я считаю большой удачей для себя – проработать под вашим руководством четыре года! Чистое везение, иначе и не скажешь. И я до последнего была уверена, что заявление не подпишут. Ну, предложил он – может, у него просто настроение было хорошее? А потом подумала, подумала, а зачем ему мы с Ником, если столько времени нужны не были? Но вы должны понимать: у меня до конца контракта всего несколько месяцев, как же такую возможность...

Майя до сегодняшнего дня действительно очень переживала из-за заявлений, она буквально клевала нам с Ником мозги из-за этого волнения. Я им так и не рассказала о нашей сделке с мистером Кинредом: о том, что он пообещал принять их, если я тоже подам заявку. Во-первых, он мог и соврать – не хотелось никого обнадеживать попусту. Во-вторых, он мог не соврать – и этот факт будто подчеркивал его заинтересованность во мне, а на подобном лишний акцент делать не хотелось. Коротко говоря, о договоре они не знали, хотя именно договор и сыграл важную роль в моем решении. Но когда утром мистер Роддри позвал нас в кабинет и выдал новые бланки, я порадовалась – за себя в первую очередь. Мне было намного проще уйти на пятый уровень с друзьями, чем одной.

Не только сделка заставила меня принять решение. Сыграли роль и другие, не такие явные, но тоже очень важные причины. Через неделю работы я подала прошение на аванс, и мистер Роддри без вопросов его одобрил. Теперь я могу уйти из ЦНИ только при условии отработки всей суммы – на третьем уровне это займет полгода. Я надеялась, что отец выполняет обещания и все деньги тратит на лечение. И сразу после получения аванса я поняла то, о чем почему-то не задумывалась раньше: меня ведь и уволить не могут. Но если я откажусь работать или начну нарушать порядок, то система вложенных средств не упустит. Мое согласие на все у них уже есть, я сама подписала это согласие и получила оплату. Выходит, что в ближайшие полгода меня и так смогут использовать как им заблагорассудится. Так не лучше ли перейти на пятый уровень добровольно, а не под солдатским конвоем? Не лучше ли изобразить, что я сама так решила, чем оказаться в ситуации, когда моего мнения не спрашивают? И на пятом уровне та же сумма отобьется намного быстрее, уже к концу первого месяца.

Еще одна причина выглядела совсем уж размыто, и непосвященному показалась бы надуманной. Надо это видеть, слышать и участвовать, чтобы понять до конца. Доброжелательная атмосфера, широчайшие улыбки, даже от Джека, который имел право на меня сердиться, пустая болтовня в столовой и с любым встречным обо всем подряд и по кругу об одном и том же – все это фальшь, необходимые роли для того, чтобы оставаться в системе. Всем известно, что после первого же скандала с сотрудником прощаются. И люди, исключительно по инерции и для перестраховки разыгрывают анти-скандалность, супер-доброжелательность, мега-улыбчивость. Быть может, в своих комнатах они бьются головами о стены или режут в подушки, но в коридор выходят с видом эйфорического счастья. Эта эйфория – часть их работы, она не обсуждается и, тем более, не осуждается. Ее замечают только новички, а потом вливаются в массу всеобщей душевности или уходят отсюда, если не смогли влиться.

В первое время я подозревала, что в еду добавляют какие-то наркотики – настолько атмосфера счастья мне виделась неестественной. Но потом дошли причины: не нужно никаких наркотиков, требуется условие пребывания: и пусть всяк сюда входящий изображает ангела. Право иногда быть в плохом настроении или не ахать вместе со всеми от радости – такая мелочь! И кто-то не выдерживает жизни без этой мелочи, небольшой срыв Джека тому доказательство. Мне казалось, что и я со временем перестану замечать. А этого отчего-то очень не хотелось. «Это самое главное в системе – оставаться человеком при любом раскладе», – когда-то сказала Майя, и теперь ее фраза виделась мне в более глубоком смысле. Оставаться человеком – это, как минимум, оставить за собой свободу на человеческие эмоции. Я понятия не имела, как обстоят дела с этим на пятом уровне, но третий мне за месяц успел осточертеть.

В итоге все сводилось к тому, что лучше рискнуть, несмотря на страх, который сильно разбавляла болтовня подруги. Да и не одна же иду, будет хоть у кого на плече поплакаться, если моя жизнь превратится в невыносимое существование. И даже сейчас становилось легче, когда мы переглядывались с Майей и Ником, поддерживая друг друга. Мы старались не обсуждать страшилки и сплетни, старались не строить никаких прогнозов, но, безусловно, втроем ощущали тяжесть неизвестности.

Мистер Роддри открыл дверь лифта на пятом уровне и остался на месте.

– Ну все, дальше сами, кабинет вашего директора в следующем пролете, не ошибетесь. А я теперь вам не начальство. Желаю удачи, ребят!

Майя прошла первой, но замерла и оглянулась, внезапно побледнев:

– И вам, мистер Роддри! Увидимся в столовой!

А когда двери лифта закрылись, она подошла к нам, взяла обоих за руки и сказала проникновенно:

– Все-таки повезло, что мы вместе, правда? Представляете, как трудно было тем, кто шел сюда один? И не забываем, что мы всегда можем уволиться. Зато сколько заработаем, даже если продержимся всего месяц!

Майя – беззаботная простушка, но мне в тот момент казалось, что это лучшее человеческое качество. Все упрощать, болтать без умолку и не заикливаться на переживаниях – есть ли стратегия лучше?

Мистер Кинред вышел к нам сам, и пока он бордо шагал по коридору с извечной приветливой улыбкой, не затрагивающей глаза, я опустила взгляд в пол. Почему-то сложно смотреть на него прямо, поднабраться бы такой силы духа. Голос его прозвучал уж совсем неуместно радостно:

– Добро пожаловать, новички. Пройдем в лабораторию, сначала возьмем свежий анализ крови и вас оформим, потом покажу комнаты. Комбинезоны тоже придется сменить, в ваших номерах уже приготовили сменку. Рады переводу?

– Конечно, сэр! – снова за всех возрадовалась Майя, но и мы с Ником улыбнулись друг другу. Незачем нагнетать ситуацию, когда для того нет пока явного повода.

– Сюда, – мистер Кинред открыл перед нами дверь, пропуская.

– Ой, как здорово, – воскликнула Майя, но уже без прежнего энтузиазма. – А здесь тоже проводятся какие-то опыты?

Я осмотрелась. Помещение было почти пустым, а в окна без штор бил пронзительный солнечный свет. Какие-то лежанки возле стен, выглядевшие вполне комфортными, а внимание привлекла капля воды из не до конца закрытого крана. Вода отчего-то капала прямо на пол, а не в какую-нибудь раковину, но лужи не создавала – капли успевали подсыхать в душном помещении.

– Безусловно, – ответил ей мистер Кинред, который так и стоял в дверном проеме. – Проводились, проводятся и будут проводиться.

Ник не сдержал появившейся у всех нервозности первым:

– А где лаборанты, сэр? Вы говорили о заборе крови...

– Это подождет, Ник, – шеф мягко улыбнулся. – А пока я вас оставлю.

Он вышел и захлопнул за собой дверь, но почти сразу отодвинул заслонку, приоткрыв окно с частой решеткой.

– Надолго? – Ник уже не улыбался, как и Майя, я вообще из себя не смогла выдавить ни слова.

– Дня два. Не думаю, что потребуется больше времени. Все-таки температурный режим не располагает к затягиванию.

– Что? – выдохнула подруга. – Но мы за два дня здесь умрем от жары!

– Почему же? – казалось, что директор смотрит прямо на меня. – Ночью солнце сядет, станет немного прохладнее. Хотя нет, вру – здесь повсюду нагреватели. Да, вам предстоят непростые два дня. Дело вот в чем: трех новых сотрудников мне попросту некуда пристроить, но по истечении этого эксперимента из вас останется в лучшем случае двое, тепловой удар без воды не заставит себя ждать. И победители уже точно смогут получить места на моем уровне, потому что сильным и смелым всегда находится путь. Удачи, новички.

– Стойте! – теперь уже закричала Майя и бросилась к оконцу, вцепляясь пальцами в решетку. Однако заслонка задвинулась резко, она едва успела убрать руки.

Мы втроем в ужасе переглянулись, а потом так же синхронно глянули на кран, из которого капало слишком редко и почти сразу высыхало на полу. Бросились туда тоже одновременно. Ник ощупывал носик, пытался найти хоть какой-то вентиль, но, конечно, не сумел. Не в этом был смысл. Ник же и начал соображать раньше нас:

– Будем делить время. Час возле крана сидит один, потом меняемся. Тогда каждому придется провести без воды два часа, но...

– А как ты будешь отмерять время? – я впервые подала голос. – И здесь за час даже на плоток не накапает.

Ник сел на пол и подставил ладонь, ловя следующую каплю. Тут же слизнул, хотя вряд ли уже умирал от жажды. Майя села с другой стороны. Она, несмотря на жару, выглядела бледной.

– Он не просто так сказал про двух победителей максимум. Явно рассчитано, что на третьего не хватит, на двоих-то с трудом...

Я все еще не понимала, к чему она клонит, потому пыталась рассуждать, пока температура не начала плавить мозги:

– Предлагаю пока действовать по плану Ника, но меняемся при первых признаках головокружения. Давайте осмотрим тут все – может, хоть какую-то тару оставили?

Они не ответили, потому я глянула на них – и вздрогнула, вдруг поняв очевидное. Если условие таково, что выжить смогут только двое, то и к гадалке не ходи, кто лишний. Будто отвечая на мой немой вопрос, Ник взял Майю за руку и потянул на себя, чтобы она легла на его колени под кран.

– Ты первая, любимая.

Майя не сопротивлялась, но посматривала на меня виновато. Я не могла поверить, но и понимала, что в данный момент лучше не подходить. Даже если бы я захотела пробиться к воде, то против двоих у меня нет ни единого шанса. Пока мы все еще хорошо соображали, потому могли говорить и договариваться. Я села в центре помещения, подальше от горячих стен – казалось, что там прохладнее. На несколько минут закрыла глаза. Открыла и проследила за очередной каплей, которую Майя ловила ртом. Да, тут и вдвоем-то выжить – большой вопрос, обезвоживание обеспечено, подгоняемое адской температурой воздуха. Придется не спать и постоянно меняться местами, не дожидаясь потери сознания.

Этого времени мне хватило, чтобы поразмыслить:

– Ник, Майя, он блефует. Никто не умрет. Из ЦНИ все выходят живые и здоровые. Он блефует. Или ждет до первого обморока.

– Скорее всего, – согласился Ник, но продолжая глядеть на меня исподлобья.

Я снова закрыла глаза, чтобы не видеть этот настороженный взгляд. Ник не уверен в моей версии. А разве я уверена? Но ведь не вяжется! Например, мерзкий гад сразу мог предположить расклад сил, и что жертвой окажусь именно я – и что же, я просто умру? Он с первого дня уговаривал меня на перевод, ждал целый месяц, чтобы в первый же день уморить? Чушь какая. Не вяжется. Тогда к чему весь этот аттракцион?

Во рту быстро пересохло. Быть может, это психическое: хочется пить, когда вода недоступна. Пока я еще не ослабла, решила все-таки обыскать помещение. Даже маленькая кружка, по моему мнению, могла бы здорово облегчить задачу, ведь глоток воды даст больше, чем капля раз в несколько минут. Я передвигалась на четвереньках от одной лежанки к другой, поднимала их, прощупывала. И ничего не находила. Зато у меня целых пять лежанок – спать будет удобно. Я не смогла оценить собственный же юмор. Под последней, брошенной в дальнем углу за дверью, я все-таки наткнулась на находку – какая-то металлическая штучковина с острым крюком на конце и мини-генератором... Электрошокер, насколько я могла судить. Начиная с десятого социального уровня все в мегаполисе обзаводились электрошокерами. Но у этого не было даже кнопки включения. Хотя и сама железяка – уже оружие. Быстро накрыла ее снова, пока Ник не увидел. Сердце застучало глухо. Я примерно понимала, почему нашлось только это и никакой тары для сбора воды. На случай, если я все-таки соберусь пробить себе место к воде, у меня есть оружие. Однако я пока была далека от этой мысли.

Солнце и не думало садиться, до конца дня еще уйма времени. Ни одного затененного пространства не оставалось, потому я просто перетащила одну из лежанок в центр, подальше от нагревателей, легла на спину и закрыла глаза. Но уснуть, как мечталось, не получилось. Вряд ли тут вообще можно уснуть. Часа через четыре я уже готова была умолять хоть о капле воды – и не умоляла, потому что в том не было смысла.

Заговорила, не меняя позы:

– Он блефует. Я не говорила вам раньше, но ваши заявления приняли только из-за моей сделки с ним. Ваш перевод был только следствием моего.

Теперь Ник лежал на коленях Майи и смотрел на кран, чтобы не пропустить следующую каплю. Девушка всхлипнула:

– Ината, прости! Прости! Я очень хорошо к тебе отношусь, но этот выбор... слишком неравнозначный!

Ник же ответил другое:

– Если ты раньше этого не говорила, то почему говоришь сейчас? Ината, твой способ воззвать к совести уж слишком притянут за уши. Нам тоже не нравится происходящее, нет смысла сейчас придумывать способ нас устыдить. Майя выживет в любом случае. Если воды не хватит на двоих, то я стану гарантом, что она выживет.

Я промолчала. Действительно, прозвучало именно как способ устыдить. И нечего мне им сказать. Вот окажись в этой же комнате я, мой отец и кто-то из них – пусть хороших знакомых, но не таких уж и близких людей – наверняка я бы поступила точно так же. Хотя нет. Папа остался бы таким же «гарантом», что меня не сможет отшвырнуть от воды кто-то более сильный. Я, только пришедшая из мегаполиса, сильнее Майи, которая четыре года жила в изнеженном комфорте, это знаем мы все трое. А вот я бы отошла в сторону только ради отца. Только ради своих любой из нас мог бы обречь себя на смерть, но никак не ради обычного знакомого, пусть еще недавно называемого другом. Ник и Майя в этом смысле не исключение. И если воды на двоих не станет хватать, то я руку даю на отсечение, что Ник отползет и даст доступ только Майе. А она примется спорить. И плакать. Если к тому времени ей будет чем плакать. Что за бред я обдумываю? Кинред просто блефует!

Я повторяла последнее предложение в уме как мантру – все какое-то занятие, раз невозможно уснуть. И так смогла дотянуть до заката. Пусть в помещении прохладнее не стало, но

все-таки без изнуряющего света стало хоть чуть полегче. Однако минут через пять включился искусственный свет – еще ярче. Я было застонала, но услышала скрип затворки, потому мигом села.

Дверь мистер Кинред так и не открыл. Просто стоял и смотрел на меня – без улыбки и сожаления, обычный взгляд прохожего на куст у обочины.

– Вы блефуете, – хрипло сказала я. – Я была нужна вам не для того, чтобы сразу меня убить.

– Откуда такая уверенность, Ината? – его спокойный тон раздражал больше всего. – Может быть, мне была нужна девушка с ярко выраженным чувством самосохранения? И первая же проверка показывает, что Майя больше годится на эту роль. Почему ты разрешила ей жить за счет своей смерти, Ината?

Вопрос я проигнорировала:

– Вы все равно меня не убьете!

– А разве тебя убиваю я? Не ты сама?

Я с мысли не сбилась:

– Как вы объясните мой труп?

– Зачем что-то объяснять? Ты вообще не входила в ЦНИ. Возможно, тебя убили грабители на улице – ты ведь пришла одна, как показали камеры видеонаблюдения, никто не подтвердит, что ты вообще сюда зачислена. А твой отец, быть может, пишет уже сотое заявление о пропаже человека. Ну, в те моменты, когда не блюет кровью в бесплатном хосписе.

Несмотря на жару, я ощутила озноб:

– Но... но ему перечислили мой аванс!

– Откуда тебе знать, что перечислили? – теперь он еще и улыбался. На это я уже вообще не нашлась с ответом. Потому Кинред продолжил сам: – В любом случае, Ината, расклад такой. У Майи были серьезные проблемы с семьей. После возвращения она с ними только поздоровается и полетит в свою новую богатую жизнь. У Ника в мегаполисе вообще родных нет. Их любовь самая настоящая – или достаточно того, что они так думают. Потому они запросто вычеркнули тебя, а в мегаполис им спешить незачем. Но ты другое дело. В тебе там нуждаются, тебя ждут, ты, в отличие от твоих друзей, имеешь четкую причину, почему должна вернуться. Но ты не вернешься, потому что ты слабая.

– Вы врете, врете!

– Разве? Но еще пара часов, и у тебя не останется сил.

– Я одна против двоих!

– Да хоть против пятерых. Я видел здесь многое, в том числе и такое, когда человек совершал невозможное. Если хотел выжить, конечно. Хорошей ночи, Ината. И на всякий случай прощай.

К тому моменту я уже совсем плохо соображала. Теперь требовались усилия, чтобы сосредоточиться. Итак, в помещении точно есть камеры – он наблюдает за происходящим. И явился, чтобы меня «подзадорить», когда увидел мое полное бездействие. Конечно, тревога, что он не блефует, оставалась. Но эта мысль деструктивна – мы все выберемся только при условии, что я продолжу верить.

Я даже на четвереньки поднялась с трудом, что уж говорить о какой-то там драке. Но доползла до дальней лежанки, взяла электрошокер и показала Нику. Он вмиг напрягся и посмотрел теперь со злостью:

– Ну, попробуй, Ината.

Но я остановилась в двух метрах от них и сказала теперь спокойно – голос только дрожал и сухо хрипел, но не от волнения:

– Я не хочу тебя ранить, Ник, но сделаю это, если придется. А может, мы просто договоримся. Этому мерзавцу, – я указала куда-то вверх, хотя не знала, где камера, но надеялась,

что он расслышал, – невыгодно, чтобы я умерла. Никто не умрет, понимаете? Он хотел, чтобы я сражалась. И выпустит нас только после того, как я ему покажу шоу. В этом смысл. Просто отойдите от крана и ждите.

– Ты не можешь быть в этом уверена, – пробурчал Ник. – Даже если ты права на свой счет, то может, он просто хочет убить нас с Майей?

Ник встал, сжал кулаки. Я тоже поднялась – непонятно откуда, взялась эта последняя капля энергии. Уговоры и убеждения не помогут, когда речь идет о выживании. Все мои доводы звучат для Ника пустым звуком, если даже я сама в них не до конца уверена. А раз убеждения не помогут...

Я кинулась вперед первая и с размаха ударила его, целясь в живот. Оружие давало неоспоримое преимущество – Ник хоть и успел подставить руку, но острый крюк прошелся по рукаву, рассекая и ткань, и кожу. Я, не тратя ни секунды, ударила снова – теперь по плечу, ранив еще сильнее. И на втором ударе затрещал электрический заряд – вероятно, довольно слабый, потому что Ник содрогнулся, но не лишился сознания. Я просто пнула в живот потерявшегося в пространстве парня, чтобы он отлетел в сторону. Майя, увидев кровь на его комбинезоне, завизжала, но я смогла ее перекрыть:

– Отойди, Майя! Просто отойди и жди!

Но она и сама уже бросилась к Нику, чтобы посмотреть на его раны. Он выживет, я уверена. Крюк дает болезненные порезы, но вряд ли в местных лабораториях нет средств справиться с подобными травмами. Я села рядом с краном, протянула под него левую ладонь и с каким-то отчаяньем слизнула первую упавшую каплю, чуть не сойдя с ума от радости и вообще забыв, для чего сюда пробивалась. В правой руке держала электрошокер, готовая в любой момент снова броситься в бой. После третьей капли показалось, что голова проясняется, а я все сделала правильно.

Но ничего не происходило. Вообще ничего. Через пару часов Майя тихо завывала:

– Он умирает... Ината, он умирает! Кровь почему-то не останавливается!

– Он еще в сознании? Черт, да перевяжи ты раны лоскутами от одежды!

– Не могу. Пыталась разорвать ткань руками, но сил не хватает. Ината... ты ведь сказала, что все будет по-другому... Ты ведь сказала, что достаточно тебе подобраться к крану... и всё...

– Я уверена в том, что нас скоро выпустят.

Она посмотрела на меня с ненавистью:

– После того, как Ник умрет?

Я не знала, что ответить. Майя уже заметно слабела – как недавно я. И с оружием я легко с ней справлюсь. Знать бы точно, что действую верно. Старалась не отчаиваться, не поддаваться сомнениям и полосовала крюком штанину своего комбинезона, перекидывая ей лоскуты для перевязки. Я все еще не осмелилась сформулировать для себя отчетливо: что выжила благодаря чьей-то смерти. Мне до последнего не хотелось в это верить, и уж тем более с этим жить – до тех пор, пока я не покину ЦНИ. Зато потом мне начисто сотрут даже то, что я стала убийцей...

Когда я уже передумала все на свете, прокляла себя за неверное решение и больше не отвечала на хриплые стенания Майи, дверь открылась. Мистер Кинред вошел вместе с двумя охранниками – неудивительно, что после подобных опытов охранники ему часто нужны.

– Замечательно. Ината, десять баллов. Хотя мне не понравилось, что ты действовала не ради спасения себя, а просто решила, что именно этого я хочу. Ну да ладно, сойдет, логическое мышление – это тоже плюс. Майя и Ник, вы тоже молодцы. Ребят, пострадавшего в лазарет – к утру будет как новенький. Майя, Ината, пойдем, покажу ваши комнаты. И, конечно, три дня на адаптацию. К вам в течение получаса зайдут специалисты, осмотрят, приведут в норму, нейтрализуют последствия теплового удара. Кто-нибудь, дайте вы им уже воды...

Мы шли с Майей по коридору и не смотрели друг на друга. Она свернула в свой номер молча, да и мне нечего было сказать. Хотя я все рассчитала верно и никто не погиб, но отстраненность между нами сейчас больше похожа на ненависть. Но ведь я догадалась, как следует поступить! Я не ошиблась! И уже оказавшись в спальне, вдоволь напившись и упав на мягкую, какую-то очень холодную после жары кровать, я поняла настоящий смысл этого опыта: я так радовалась, что шла сюда с друзьями, для меня этот факт был поддержкой и надеждой, а мистер Кинред сделал так, что больше у меня друзей не осталось. В общей сложности на это ушло меньше суток.

Глава 8

После какой-то инъекции и здорового сна я проснулась чрезвычайно бодрой – даже бодрее, чем чувствовала себя два дня назад, до всех перипетий. Вероятно, так примерно и происходит: человека могут заставить себя ощутить уже полутрупом, а потом чудо-укольник, пара витаминов – и вот, его снова можно беспощадно бросать на пыточный стол. В любом другом случае расход экспериментального материала был бы слишком велик. Настенное табло показало, что время близится к обеду, но я не спешила вставать. Мне вообще некуда спешить, а на адаптацию обещано три дня – хотя чего стоят обещания главного монстра?

По поводу Ника и Майи я особенно не расстраивалась, решила так: нам всем нужно время, чтобы остыть и посмотреть на произошедшее отстраненно. И уже после этого попытаться обсудить. Если мы так и не найдем общий язык, то никогда друзьями и не были. Потому, быть может, даже и неплохо, что выяснилось это в самом начале жестокого пути по пятому уровню. Жаль, что я одна, но лучше быть одной и знать об этом, чем напрасно положиться на посторонних. Фальшивые отношения хуже одиночества.

Я вообще удивилась своему довольно хорошему настроению, хотя ожидала депрессии. Ничего радостного не произошло, но ведь я и не рассчитывала, что здесь мы будем распевать счастливые песни и поливать цветы трижды в день? Зато выяснилось кое-что важное: я не ошиблась и очень важна для мистера Кинреда. И хоть Майя и Ник важны ему меньше, но и их он не убил. А это означает, что самые страшные опасения – о том, что нас попросту замучают до смерти – вряд ли сбудутся. Будут запугивать, стращать, помещать в немыслимые условия, при профнепригодности сотрут память и вышвырнут из системы, но вот так запросто не убьют, все это лишь блеф и антураж. А уж такое осознание существенно прибавляет моральных сил.

Пустой желудок все-таки напомнил о себе жалобным бурчанием, потому я встала и начала приводить себя в порядок, прежде чем отправиться в столовую. Комнаты здесь оказались просторнее и мебели больше, вот только неизвестно, какими вещами заполнять высокие шкафы. А уж ванная вообще потрясла мое воображение, особенно когда я минут пятнадцать пыталась разобраться в многочисленных светящихся кнопках душевой кабины. Комбинезон я нашла на тумбе – почти такой же, как старый, только синего цвета. Расчесывая волосы перед зеркалом, я заставила себя улыбнуться отражению. Ну вот, теперь я на пятом уровне: боевое крещение пройдено, первые важные выводы сделаны, собираюсь выжить и разбогатеть, а потом вернуться к отцу – и безразлично, что будет происходить до тех пор, у меня на все сил хватит. Кстати, об отце...

Возле лифта я растерянно оглядывалась, не представляя, как попасть на нужный уровень. Но довольно скоро подошел охранник и с улыбкой объяснил:

– Твои отпечатки уже в базе данных. Прикладывай ладонь сюда, – он указал на панель. – Можешь спускаться и по лестнице, она в конце того коридора. Но учти, тут этажей двадцать. Хотя для здоровья полезнее. Ну, чего ждешь? Поехали? У меня тоже обеденный перерыв.

Разумеется, он мог открыть кабину и сам, но предоставил право мне – для тренировки. Какой доброжелательный охранник! На этот раз я не спешила радоваться чьей-то приветливости, надолго отбили охотку. Уже в кабине он продолжил инструктаж:

– О событиях на нашем уровне распространяться запрещено, даже с руководством других уровней лучше не обсуждать. Если поймают на подобном – уволят. Сама понимаешь, что такое разглашение почти ничем не чревато для системы: просто выгонят тебя и всех, кто получил доступ к сверхсекретным данным, а они об этом все равно не вспомнят. Потому не подставляй ни себя, ни других, это не имеет смысла лично для тебя.

Я пожала плечами.

– Отчего же нет смысла? Например, если мне понадобится быстрое увольнение, то это самый простой путь.

Охранник громко рассмеялся, заставив меня нервно поежиться.

– Верно. Но увольняют-то все равно с первого числа нового месяца. Потому если решишь, что хочешь уволиться именно таким образом, то очень советую сначала посмотреть на календарь. Ведь в оставшиеся дни ни у кого не будет повода тебя жалеть. Это сейчас ты – ценный ресурс для длительного использования, а станешь отработанным материалом. Кто ж цацкается с уже списанным имуществом?

Благодарить за дельные советы я охранника не стала. Просто молча вышла на третьем уровне и уже привычными коридорами направилась в нужную сторону. Даже не удивлялась тому, что меня в глаза называют имуществом, ресурсом и материалом. Правильно называют, пора прощаться с иллюзиями.

В столовой почти не было посетителей, я пришла между завтраком и обедом. Но увидела за нашим столиком Майю и Ника, которые зло покосились в мою сторону. Очевидно, для конструктива время еще не наступило. Потому отметила про себя, что Ник выглядит здоровым, и просто прошла дальше, намереваясь сесть одна. Но в последний момент увидела на выходе из зала для руководства мистера Кинреда и уверенно зашагала к нему.

– Здравствуйте, сэр, – мой голос даже не дрожал. – Мне срочно нужно выяснить одну вещь. Надеюсь, вы ответите.

Он почти удивленно изогнул бровь:

– Ничего себе. А где надутые щеки и взгляды испепеляющей ненависти? Хоть бы один день продержалась.

– Не вижу необходимости, сэр. Так я задам вопрос?

– Ну, попробуй, – он улыбнулся, склонившись ко мне – возможно, не хотел, чтобы наш разговор был услышан.

Я снова не выдержала прямого взгляда, но говорить можно и поглядывая на свободные столики:

– Вы вчера сказали, что мой отец не получил денег.

– Это было частью представления. Неужели не поняла?

– Поняла. И я уверена в этом на девяносто процентов. А позавчера была уверена на сто. И от этой тревоги я не смогу избавиться. Вам нужна моя бесконечная тревога или увольнение из-за нее?

– Вопрос-то в чем, Ината? – я слышала в его голосе улыбку – все он прекрасно понимал: и что скажу, и что сам на это ответит.

– Сэр, я могу получить доказательства, что деньги переведены на счет отца, и он сейчас находится в платной клинике по условно-излечимым заболеваниям? Например, мне хватило бы одной минуты телефонного разговора.

– Связываться с внешним миром запрещено, Ината. Ты сама подписывала согласие.

– Знаю. И все равно осмеливаюсь просить. Потому что в другом случае я напишу заявление в последний день этого месяца – тревога меня вынудит, а аванс уже будет покрыт.

– О-о, шантаж? Сказал бы, что впечатлен, но нет – все тут время от времени пытаются меня шантажировать. И обычно в ответ я только смеюсь. Но ты мне нужна для конкретных задач, потому отвечаю. Нет, никаких телефонных разговоров с отцом, запреты существуют не просто так. Мы не можем контролировать людей в мегаполисе, твой отец запросто проболтается о том, что ты звонила. И уж поверь, эта новость разнесется вмиг. Уже завтра под аркой будет торчать толпа вопящего и скулящего народа с просьбами, чтобы их родственники позволили. Это не мой личный бзик, это основа всей структуры. Но я обещаю подумать над тем, как еще тебе предоставить доказательства.

– Правда? – я от изумления посмотрела прямо на него.

– Правда, – он сказал очень серьезно, а по спине побежал холодок от его сканирующего взгляда. – Но не просто так. Сделка, Ината.

Я сразу нахмурилась:

– Вы очень любите сделки, как я погляжу, – и добавила с нажимом: – Сэр.

– Даже не представляешь насколько. Итак, я в течение двух недель нахожу способ дать тебе доказательства, а время твоей адаптации сокращается до... скажем, одного сегодняшнего дня.

– Согласна!

– А я не сомневался. Но твоё рвение мне нравится. Продолжишь так симпатично блеснуть глазами – я окончательно превращусь в романтического дебила и стану исполнять все твои просьбы по щелчку пальцев. Это шутка, поясняю на всякий случай, а то у тебя проблемы с пониманием. В моем кабинете завтра в десять утра. Успей хорошо позавтракать, потому что на обед вряд ли успеешь.

– Да, сэр.

Проводила его взглядом и вспоминала о еде. Что ж, мои адаптивные способности удивляют меня саму. Настроение быстро вернулось к тому же уровню, что был десять минут назад. Уже не трясусь и не паникую в преддверии неизвестности, ощущаю себя одинаково – никак. Так и пять лет пролетят, глазом не моргну. Даже, возможно, к «шутнику» привыкну. Хотя нет, на это требуется больше пяти лет.

Глава 9

Плотно позавтракать мне не удалось. Хотя бы потому, что аппетита не было. А уж если меня вновь примутся морить жаждой или голодом, то все равно рассчитают так, чтобы завтрак не помог.

Постучалась, прежде чем зайти в кабинет. Постаралась не вздрогнуть, обнаружив мистера Кинреда всего в шаге от входа, как если бы он собирался выходить.

– Ты опоздала на минуту, Ината. Не терплю, когда мое время не ценят.

– И вам здравствуйте, сэр, – почти равнодушно ответила я. – Попрошу записать опоздание в мой список невыполненных заданий, чем-то же его надо открывать.

– Юмористка. Всю ночь придумывала ответ?

– Да нет. Придумалось еще тогда, когда вы тратили целые часы на мои уговоры – показали, что я ценнее вашего времени.

– Наглая юмористка. Но твоя расслабленность мне на руку. Идем уже, Той должен быть на месте – он никогда не опаздывает.

Той? Тот самый ИИ, олицетворяющий собой самую идеальную красоту? Вприпрыжку я не понеслась, но определенно заинтересовалась. Мистер Кинред открыл одну из дверей, пропуская меня первой – по предыдущему опыту я усвоила, что это плохой знак, но не позволила себе задержаться. Эта лаборатория была меньше и намного комфортнее. По углам в кадках росли кусты с широкими листьями – уж не знаю, настоящие или искусственные, но очень натуралистичные. В центре стояла кушетка – не кушетка даже, которые бывают в бесплатных клиниках, а скорее узкая кровать. Той сидел на ней с краю и при нашем появлении очаровательно улыбнулся.

– Доброе утро, сэр. Привет, Ината, мы с тобой уже виделись, помнишь?

Что со мной такое, если я в очередной раз начала впадать в ненормальный восторг? Само совершенство! И ни грамма фальши в мимике или тоне! Невозможно заставить себя думать, что это просто робот – бездушная машина с прописанными программами поведения. Потому и улыбнулась ему так же искренне:

– Конечно, помню. Ты тогда назвал меня красивой.

– И не соврал. Нет, ты не подумай, врать я умею, но в тот момент сказал искренне. Даже немного преуменьшил. Ты настолько в моем вкусе, что я побоялся испугать девушку при первом же знакомстве. Уверен, нет ничего хуже излишнего напора до того, как ты будешь готова к искренним признаниям.

Я от изумления хмыкнула в сторону мистера Кинреда – дескать, вы только гляньте! Болтает слаще любого бабника в мегаполисе и невольно вызывает улыбку! Но Кинред быстро вернул меня с неба на землю. Он передвигал какое-то устройство с проводами ближе к кушетке.

– Ну все, не будем тянуть. Раздевайтесь.

– Что?.. – вырвалось у меня по инерции. – Зачем?

– Ината, давай я лучше все подготовлю, чем буду отвечать на идиотские вопросы? Раздевайся, сказал. Или тебя разденут. Мне нужно провести несколько экспериментов, можем начать и с того, где ты всему сопротивляешься.

Я задохнулась. Но на мой вопрос зачем-то начал отвечать Той – тем же мягким и приятным голосом. Он даже подошел ближе и чуть склонился, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

– Не волнуйся, Ината. Я не сделаю тебе больно или неприятно. Но ведь больно ты можешь сделать себе сама. И ты знала, что будешь участвовать в опытах – любых опытах. Этот не связан с угрозой жизни или здоровью, разве это не хорошая новость?

Я теперь спросила у него, все еще теребя нервно первый магнитный замок комбинезона.

– Но зачем, Той?

– Нужно убедиться, нет ли в моем сексуальном поведении каких-то заметных отклонений от нормы. Но тебе не о чем беспокоиться, я умею целовать и ласкать – дай мне возможность тебе понравиться.

Он отступил и начал быстро расстегивать замки. Когда показался безупречный обнаженный торс, я отвела глаза – разглядывать почему-то не хотелось. Повторяла себе, что была готова на что угодно и что меня действительно могут заставить силой. Потому просто начала раздеваться, не отрывая взгляда от пола. Свет вокруг заметно приглушили, мы оказались в центре высветленного в полумраке круга. Но я знала, что мистер Кинред здесь – он будет наблюдать за всем, что происходит. Прикрыла грудь и с трудом подняла лицо.

Обнаженный Той подошел, мягко провел руками по плечам и задержал ладони на шее. Поднял мой подбородок и склонился. Поцеловал – очень ласково и осторожно. Я просто терпела происходящее, не в силах отвлечься. Его руки стали увереннее и притянули меня к себе, ласкали спину, спускались на ягодицы, а движения становились все более интенсивными. Возбуждения во мне эти действия не вызывали, и дело было вовсе в неумелости ласк. Наверное, они могли бы быть очень приятными – если бы исходили от любимого человека. Или хотя бы просто человека.

Как я должна себя вести? Показать возбуждение и расслабленность? Суть опыта только в проверке действенности этих ласк, или сейчас меня уложат на кушетку и продолжат до самого конца? Последняя мысль пугала до чертиков, замораживала все реакции, которые я собиралась изобразить. Но ужас меня накрыл, когда я почувствовала, как его член возбуждается – мое тело, плотно прижатое к его, не смогло бы пропустить этот факт.

Я знала, что на пятом уровне меня ничего хорошего не ждет! Знала! И все равно перевелась! Хватит себя жалеть и анализировать – я расходный материал, меня используют, надо прекращать думать иначе. И все равно эти убеждения не помогали.

Он переместил горячие ладони мне на талию и с невероятной легкостью поднял. Почти бережно перенес меня на кушетку и сразу принялся целовать шею. Но через минуту навис надо мной и прошептал:

– Ты слишком зажата, Ината. Если я что-то делаю не так – подскажи.

– Я... не... – я не смогла закончить. Вообще хотелось просто разрыдаться.

Той коснулся моих губ и снова приподнялся:

– От тебя ничего не требуется. Просто расслабься и сосредоточься только на ощущениях, чтобы потом в точности их описать. Или не описывай, если не захочешь. Главное ответить на вопрос: отличаюсь ли я в сексе от других мужчин чем-то принципиальным.

Я еще несколько минут терпела его ласки, но потом вцепилась в плечи и закричала:

– Я так не могу! Сэр! Я не могу так!

Кинред неспешно подошел к нам – теперь я могла его видеть. Поинтересовался с раздражающим равнодушием:

– Любопытно узнать, почему? Это еще пока даже не изнасилование. Ты всерьез решила строить из себя кисейную барышню, Ината?

Моя затянувшаяся заторможенность схлынула, потому слова потекли безудержным потоком:

– Не могу так! И как я отвечу на вопрос эксперимента?! Да меня тошнит от мысли, что моим первым мужчиной станет... Нет! Я так не могу! Знаю, что вы можете меня привязать и сделать что угодно, но я не могу... Понимаете?!

– Той, стоп, – вдруг другим тоном сказал Кинред, хотя ИИ все это время просто оставался зависшим надо мной и ничего не делал. Однако после этих слов он встал и отошел на шаг от кушетки. Кинред наклонился к моему лицу: – В каком это смысле «первым мужчиной»?

– В самом прямом! – я уже выпустила раздражение и не могла его удержать.

– Девственница? – он выглядел обескураженным, а потом почти закричал, чего я до сих пор от него не слышала: – Почему в твоём досье это не отмечено?

Я села, невольно зажимаясь и прикрываясь руками. И с тем же удивлением смотрела на него. Кинред неожиданно улыбнулся:

– Ината, ты это только что от страха придумала?

– Нет... не придумала. Не знаю, что там в досье... Честное слово, не знаю, почему ошибка! Но я так волновалась, когда заполняла заявление, допускаю мысль, что сама что-то перепутала...

– Предположим, – он уже говорил спокойно и почти ласково. – Но девушка с твоей внешностью в мегаполисе... Я в тот же мегаполис еду на выходные?

Я коротко пожала плечами, после перенапряжения расслабившись:

– Я всегда была осторожна, сэр. Старалась не ходить по улицам в одиночку, после смен меня встречал отец. А на отношения у меня не было ни времени, ни сил.

– Да брось. Тебе должна была поступать куча предложений от мужчин десятого и выше социальных рангов.

– Не куча, но поступали. Я предпочитала работу официантки, сэр. Очень жаль, что из-за глупой ошибки я нарушила ваши планы.

– Ты еще и смеешься?

– Я не смеюсь, сэр.

– Тогда прекрати улыбаться.

– Не получается, сэр. Простите, это совсем немного забавно – вы месяц ждали моего перевода, чтобы уже тут узнать об ошибке в досье.

Он вдруг тоже засмеялся, качая головой. Голос подал Той:

– Сэр, мне продолжать?

– К сожалению, нет. Именно для этого эксперимента нужна женщина хоть с каким-то опытом. Но теперь у нас есть Майя... Надо подумать. Оденься и оставь нас. Ты знаешь, что делать со своим возбуждением.

Той вполне натурально и многозначительно усмехнулся. Я тоже хотела бы одеться, но пока разрешения не давали – и рисковать я не стала. ИИ еще не успел покинуть лабораторию, как Кинред продолжил:

– У твоей радости нет ни одной причины, Ината. Ты же не думаешь, что после этого я тебя оставлю в покое? Девственная плева без проблем восстанавливается – после выхода из системы ты будешь считать себя точно такой же невинной. Но это совсем не означает, что ты будешь девственницей здесь. Уж это я тебе гарантирую.

Улыбаться расхотелось. Хотя я вряд ли рассчитывала на совсем уж удачный исход. Заставила себя кивнуть – показала, что услышала. Казалось, что пусть будет что угодно, но когда-нибудь потом, не сейчас.

– И сегодняшний опыт все равно бы провалился, – продолжил он задумчиво. – Ты была как натянутая струна. Есть способы это исправить – и все их я попробую. Но чтобы день не совсем вхолостую прошел, хотя бы ответь: поцелуй Тоя приятный, возбуждающий?

Я почувствовала внимательный взгляд на свое лицо, но продолжала смотреть вниз и думала, как ответить.

– Только не говори, что даже ни с кем не целовалась! – не выдержал директор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.